

В.А. Булкин
О древнерусской архитектуре

ББК 85.113(2-Рус)3
Б90

Печатается по постановлению Ученого совета исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Составители: канд. иск. И. В. Антипов,
канд. иск. Е. В. Ходаковский,
канд. иск. И. А. Шалина

Подготовка текстов к печати: Е. Н. Кондратьева,
А. А. Терентьева, А. В. Трушникова

Рецензенты:
д. иск. Т. В. Ильина (СПбГУ),
канд. иск. М. И. Мильчик (НИИ «Спецпроектреставрация»)

Б 90 В. А. Булкин. О древнерусской архитектуре. Избранные труды. – СПб.:
Каламос, 2012. – 200 с.

ISBN 978-5-905836-07-7

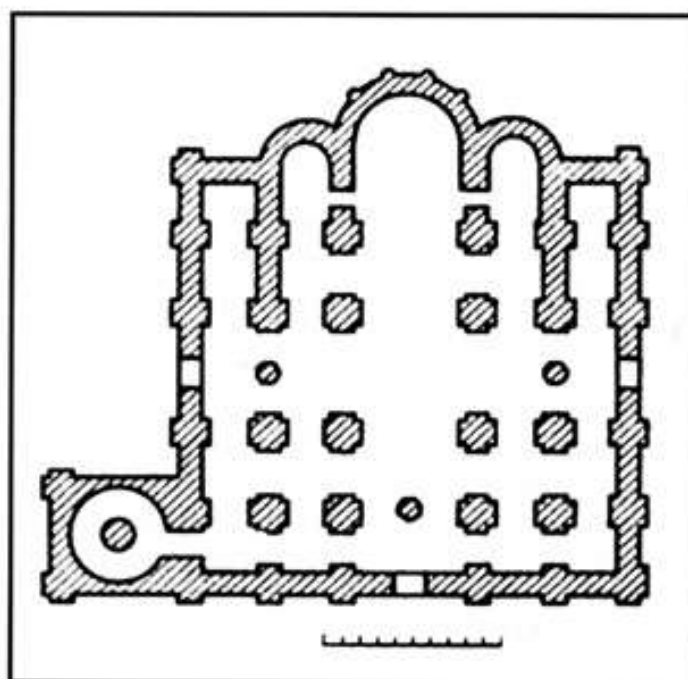
В сборник избранных работ В. А. Булкина, одного из ведущих современных исследователей древнерусского искусства, включены статьи по истории архитектуры Полоцкого Софийского собора, средневекового зодчества Новгорода и Пскова, русской архитектуры XVI в., организации строительства в Древней Руси.

Для искусствоведов, историков, археологов и всех, интересующихся историей средневекового искусства.

На фронтисписе: Валентин Александрович Булкин. 1980-е годы

ISBN 978-5-905836-07-7

© В. А. Булкин, 2012
© Каламос, 2012



**СОФИЙСКИЙ СОБОР В ПОЛОЦКЕ
И ДРЕВНЕРУССКАЯ АРХИТЕКТУРА
XI–XII вв.**

СОФИЙСКИЙ СОБОР И ПОЛОЦКОЕ ЗОДЧЕСТВО ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Возведение в 30–50-х гг. XI в. главных храмов Киева, Новгорода и Полоцка выглядит как осуществление единой идейной программы. Религиозная идея, заложенная в «софийной» программе, утверждала новый для Руси взгляд на мир как упорядоченное по законам Божественной Премудрости единство. О самосознании русского общества к середине XI в. можно судить по «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона. С необыкновенным подъемом в «Слове» провозглашается торжество христианства на Руси, подводится первый итог того грандиозного исторического дела, которое предпринял князь Владимир. Идеям «Слова» созвучно и храмовое строительство этой эпохи — прежде всего, почти одновременное возведение трех Софийских соборов в самых крупных городах Руси.

Построенный в середине XI в. Софийский собор в Полоцке сохранился значительно хуже одноименных храмов Киева и Новгорода. Его изучение как архитектурного объекта началось в конце XIX — начале XX в. Историко-архитектурные и археологические изыскания позволяют в первом приближении представить строительную историю храма. Схематизм периодизации на современном уровне изученности памятника неизбежен, но все же в основе выделения каждого этапа лежит вполне определенная историческая и архитектурно-строительная подоплека. Недостаточность письменного и иконографического материала в известной мере восполняют результаты археологического изучения памятника. Это относится в первую очередь к его ранней истории.

I период Середина XI в.

Объективная оценка архитектурных особенностей собора стала возможной после того, как в ходе изучения памятника обрела вполне определенные хронологические рамки его датировка. Технические, типологические и стилистические особенности здания, выявленные при архитектурно-археологических исследованиях, позволили уверенно отнести его к середине XI в. Было установлено, что полоцкий храм находится в том же архитектурном ряду, что и одновременные храмы Киева и Новгорода. Плохая сохранность постройки оставляла многочисленные вопросы, связанные прежде всего с планом и объемно-пространственной композицией. Разногласия среди исследователей вызывал вопрос о датировке западных апсид. Археологическое исследование памятника во второй половине 1970-х гг. позволило снять целый ряд вопросов, относившихся к первоначальному облику храма.

II период XII – начало XIII в.

В этот период строительная история собора восстанавливается только на основе тех материалов, которые были получены при архитектурно-археологическом изучении храма в 1978–1980 гг. В это время собор дополняется целым рядом пристроек, отличающихся от основного объема по техническим и стилистическим характеристикам. Первоначальное здание с восточной стороны укрепляется контрфорсами.

III период Вторая половина XIII – начало XVIII в.

Древний храм в этот период постепенно утрачивает свой первоначальный облик, перестраивается и разрушается. Конечно, при благоприятном состоянии письменных источников была бы возможна и необходима более дифференцированная периодизация истории собора, но пока характер перестроек, утрат и возобновлений здания остается крайне неопределенным (особенно это относится к XIII–XVI вв.). Такой суммарный подход представляется оправданным.

Полоцкая земля уже в начале этого периода утрачивает независимость и входит в состав Литвы, а затем Польского королевства. В трудном положении, особенно после унии 1596 г., оказалась православная церковь. Хотя полоцкий епископ (с 1511 г. архиепископ) занимал в церковной иерархии второе место вслед за киевским митрополитом, что предопределяло и высокий статус Софийского собора, драматические коллизии церковно-религиозной жизни отражались и на судьбе его архитектурного облика. Пути развития древнерусского и белорусско-литовского зодчества все более расходятся. Воздействие древнерусской архитектурной традиции на строительную практику заметно ослабевает, зато возрастает значение элементов католического происхождения.

Сведения о Софийском соборе в источниках раннего времени носят характер упоминаний и редко напрямую касаются его архитектуры. В 1309 г. в грамоте епископа Иакова собор значится как место пребывания архиерея. Имеются сообщения о пожалованиях собору, упоминаются ремонты кровли и царской ограды, колокола и т. п.

Непосредственное отношение к архитектуре храма имеет летописное известие о его семиглавии. Тем самым подтверждается принадлежность храма к 30–50-м гг. XI в., когда многоглавое завершение церкви было своего рода правилом.

В 1563–1579 гг. Полоцк находился в составе Московского государства, а Полоцкая епархия подчинялась Московской митрополии. Архиепископом Полоцким и Великолуцким был поставлен Трифон Ступишин. С польской стороны в этот период также назначались архиепископы, подчинявшиеся киевскому митрополиту. В августе 1579 г. поляки штурмом овладели городом. В записках Р. Генденштейна Софийский собор упоминается как обширный храм, выстроенный из камня с большим великолепием. «В глазах образованных людей, — пишет Генденштейн, — почти не меньшую ценность, чем остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много сочинений греческих отцов церкви и между ними сочинения Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии; все на славянском языке». В это же

время секретарь канцелярии короля Стефана Батория Станислав Пахомович сделал схематические зарисовки города, которые в 1580 г. были награвированы И.-Б. де Кавалерисом в Риме. По мнению М. А. Ткачева, изображение Софийского собора Пахомовича вполне достоверно и представляет здание в виде церкви оборонного типа. Отметим, что пятибашенное сооружение с шатровым верхом может быть истолковано и как постройка типа церкви Иоанна Предтечи в Дьякове или Борисоглебского собора в Старице, возведенных в 50–60-е гг. XVI в. Учреждение в Полоцке архиепископии, просуществовавшей более пятнадцати лет, было достаточным поводом для «исправления» облика храма в духе господствовавших тогда представлений об архитектуре культовых зданий.

После заключения в 1596 г. Брестской унии собор переходит к униатам. При Иосафате Кунцевиче были предприняты работы по основательному обновлению храма. По одним сведениям, были разобраны все пять верхов храма, по другим — лишь четыре угловых вежи, а пятая (средняя) надстроена. В любом случае облик храма был кардинально изменен и, надо полагать, с определенным идеологическим умыслом. Уже современники видели в этом стремление унизировать православие и подчеркнуть главенство римского папы. Пятиглавие (неважно, имел ли к этому времени собор вид четырехбашенного или пятишатрового храма) — опознавательный знак ненавистного Иосафату православия — было уничтожено. Полагаем, что к тому же периоду относится и переориентация главного алтаря храма на север: это также следует рассматривать как акт конфессионального противоборства.

IV период С середины XVIII в.

В 1738–1750 гг. при архиепископе Флориане Гребницком Софийский собор был отстроен заново. Лишь части западной и восточной стены первоначального храма оказались включенными в состав нового здания. С запада и юго-запада от Софийского собора в 1752–1758 гг. были возведены постройки базилианского монастыря, до наших дней не сохранившегося. «Оный монастырь состоит в каменном строении в три линии и о трех этажах; при оном каменная кафедральная церковь полоцких архиепископов во имя св. Софии; вокруг монастыря каменная стена, конюшни, мастерские, амбар и прочие строения».

В дальнейшей строительной истории храма весьма значительное место занимают ремонтные работы — в основном косметического характера, не повлиявшие на облик здания середины XVIII в. Во второй половине XIX в. начинается изучение истории храма и его архитектурных особенностей. Исследования 1975–1980 гг. позволили сделать ряд наблюдений над техническими, стилистическими и типологическими особенностями постройки середины XI в.:

- выявлена система ленточных фундаментов;
- установлено наличие столба под хорами в южной части поперечного нефа, что позволяет реконструировать структуру центральной части храма;
- западные апсиды, относимые многими исследователями к первоначальному строительному периоду, по целому комплексу архитектурно-археологических признаков считаются поздней пристройкой, появившейся при униатах в XVII–XVIII вв.;
- найдены остатки лестничной башни у северо-западного угла собора;

• остатки кладок, раскрытые к западу от храма, подтверждают существование галереи, примыкавшей к основному объему с западной стороны.

Единство конструктивной системы проявляется в полном совпадении технико-технологических характеристик фундаментов, которые несут наземную кладку, и ленточных фундаментов, которые такой нагрузки не имеют. Нет принципиальной разницы и в глубине заложения. При заглублении в среднем на 1–1,1 м отклонения в сторону несколько большей глубины заложения (в основном это отмечено в южной части храма) фиксируются в равной мере и под ленточными, и под стеновыми фундаментами. Это значит, что зодчий не ставил глубину заложения фундамента в зависимость от нагрузки, которую предстояло испытывать кладке. При сравнении по этому показателю полоцкого храма с другими постройками X – начала XII в. можно заметить, что наибольшую близость к нему обнаруживают киевские постройки первой половины – середины XI в., особенно София Киевская (ее фундаменты имеют глубину заложения 1–1,1 м). Новгородская София и Черниговский Спас имеют значительно более мощные фундаменты. Как и в полоцком соборе, во всех других постройках отмечаются заметные колебания в глубине заложения фундаментов, не связанные с учетом большей или меньшей статической нагрузки. Надо полагать, глубина заложения зависела, прежде всего, от опыта зодчего и оценки им прочности материкового грунта. Подошва фундаментного рва, как известно, тщательно выравнивалась, и разница в высоте кладки могла происходить за счет неравномерной планировки строительной площадки. Выравнивание уровней, особенно важное при устройстве пола, осуществлялось подсыпкой по всей площади храма и накладкой фундаментов после корректировки плана.

В юго-западной части собора сохранился небольшой фрагмент ненарушенного слоя, свидетельствующий о том, что каменное строительство велось на уже обжитом месте. Это сравнительно тонкий слой черного цвета с очевидными признаками пожарища. В нем встречается керамика начала – первой половины XI в. Слой соответствует верху фундаментов, которые были впущены именно с этого уровня. Слой пожарища дает основания считать, что каменному храму предшествовала погибшая в пожаре деревянная постройка.

Установлено, что западные апсиды не являются первоначальными. Решающим аргументом в пользу их позднего происхождения стали открытые раскопками остатки пристройки домонгольского времени, примыкавшей к западному фасаду храма. Хорошо сохранился юго-западный угол пристройки. Южную стену составляет кладка из плинфы (два – четыре ряда) на фундаменте из валунов с ясно выраженным подкосом. Глубина его заложения меньше, чем у фундаментов основного объема – 0,7 м. Наземная кладка имеет ширину 1,1–1,2 м, ее лицевая сторона большей частью утрачена. Торцом стена упирается в крайнюю южную лопатку западной стены храма. К следующей (к северу) лопатке примыкала стенка, параллельная уже описанной, которая сохранилась лишь в виде фундамента, выступающего из-под южного края боковой апсиды. Аналогичная по техническим характеристикам западная стена пристройки сохранилась только в южной части, доходя примерно до середины боковой (южной) апсиды. Далее на ее трассе фиксируются незначительные следы фундаментного рва и колки, укрепляющие его подошву. В центре образованного кладками помещения выявлены остатки квадратного в плане столба из плинфы на фундаменте с таким же подкосом, как и в фундаментах под стенами.

Открытая кладка является остатком галереи, примыкавшей к западному фасаду храма по всей его длине. Западные апсиды оказываются включенными в «интерьер» галереи домонгольской поры, что делает невозможным их одновременное существование как в функциональном, так и в композиционном отношении.

В юго-западной части галереи прослеживается картина ее обрушения: упавшая лицевой стороной вниз западная стена лежит на мощном горелом слое, сразу под которым начинается материк. Катастрофа случилась в процессе строительства или же сразу после возведения пристройки.

Галерея пристраивалась к уже набело отделанному фасаду, вероятно, вскоре после завершения основного объема. Кладка фундаментов галереи и башни очень близка, что позволяет видеть в их строительстве второй этап реализации первоначального замысла зодчего.

Полученные при раскопках данные позволили реконструировать замысел первоначальной плановой структуры здания, установить местоположение лестничной башни и галереи. Выявленные технико-технологические и композиционные особенности собора позволяют уверенно датировать его серединой XI в. и поставить в один типологический ряд с одноименными храмами Киева и Новгорода.

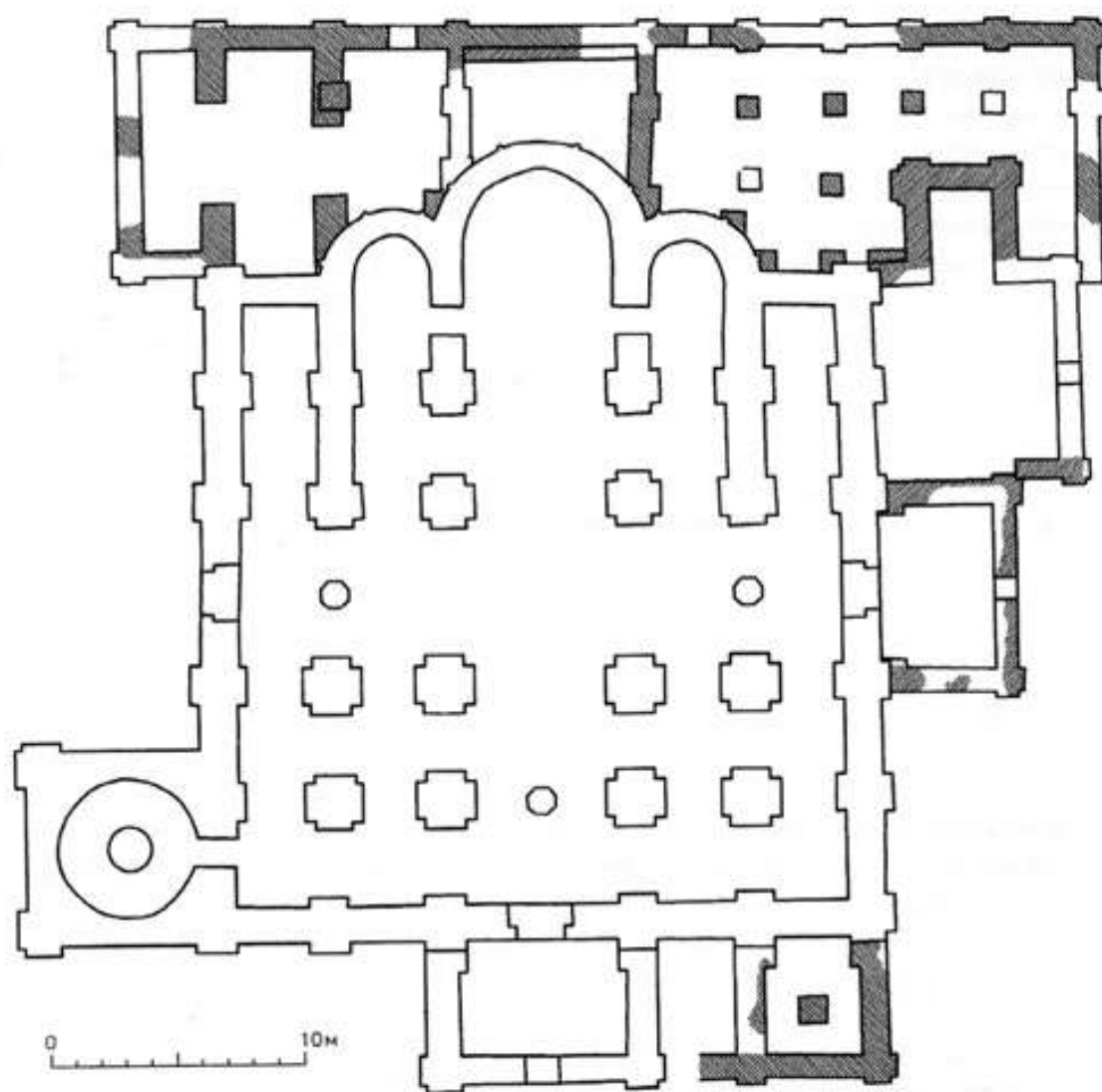
В XII в. первоначальная композиция собора не оставалась неизменной, но изменения коснулись только ее наружного облика. В этот период собор получил целый ряд пристроек, функционально важных для главного храма города, придавших ему еще более своеобразный характер.

К южному входу в храм был пристроен притвор. Его восточная и западная стены примыкали к лопаткам южной стены по сторонам портала. Лучше других (на высоту около 1 м) сохранилась восточная стена и юго-восточный угол, акцентированный плоскими выступами лопаток. Значительные части западной и южной стены утрачены, в некоторых местах кладка стен выбрана вместе с фундаментом. Наземные части сложены из плинфы в системе со скрытым рядом. Фундамент заложен на глубину 0,7–0,8 м, его кладку составляют валуны на известковом растворе.

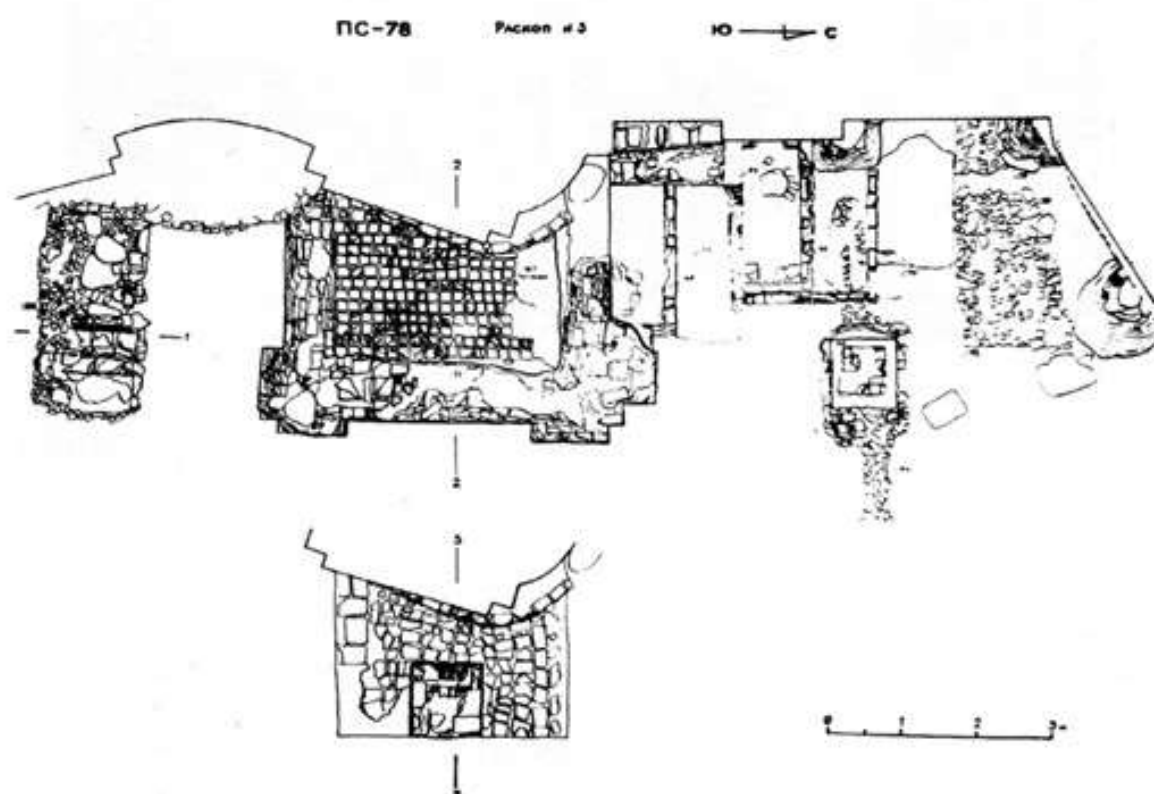
У юго-восточного угла собора был возведен небольшой храм, от которого сохранился прямоугольный в плане алтарный выступ. На культовое назначение постройки указывает ее местоположение, а также остатки горнего места или престола внутри выступа. Это могла быть крещальня или усыпальница. Стены возведены из плинфы размером 34–35 x 23–23 x 4 см в технике кладки со скрытым рядом. Внутри сохранился пол из плинфы.

Самая большая пристройка была сделана в тот период к восточному фасаду храма. По длине она даже несколько превосходила восточную стену. Конструктивную основу северной части галереи составляла, судя по прикладкам к стенам, система аркбутанов. В южной половине, которая предназначалась для княжеских захоронений, в качестве несущих конструкций были употреблены квадратные в плане столбы. В техническом отношении пристройки к собору несколько отличаются от первоначального объема и могут быть отнесены к концу XI – первой половине XII в.

Софийский собор как первая каменная постройка Полоцка оказал вполне определенное влияние на последующее развитие местной архитектуры: сдвиг



*Полоцк. Софийский собор.
Реконструкция храма XI в. с пристройками XII–XIII вв.*



Полоцк. Софийский собор. Раскоп № 3 1978 г. План.
Пристройки XII–XIII вв. с восточной стороны храма.



*Полоцк. Софийский собор. Раскоп № 3 1978 г.
Пристройки XII–XIII вв. с восточной стороны храма. Вид с северо-востока.*

подкупольного квадрата к западу находим в Большом соборе Бельчицкого монастыря и храме в Детинце. Не исключено, что формирование центрической ступенчатообразной композиции началось в Полоцке еще в середине XI в. В той или иной степени ступенчатость объема свойственна и другим постройкам Руси 30–50-х гг. XI в. Однако в архитектуре второй половины XI – начала XII в. этот прием не получил безусловного фиксируемого продолжения. Возможно, это связано с плохой сохранностью памятников и, прежде всего, их венчающих частей.

Ситуацию в полоцком зодчестве второй половины XI в. обычно считают аналогичной той, которая известна по Новгороду: каменное строительство не велось ни в том, ни в другом городе. Но в Новгороде это подтверждено документально — летописями, для Полоцка же такое суждение не базируется на какой-либо фактической основе. К тому же надо учесть и важный социально-исторический фактор этого времени: во главе княжества стоял самый выдающийся государственный деятель полоцкой земли — Всеслав. Для каменного строительства князь является ключевой фигурой: вся практика древнерусского зодчества это подтверждает.

Один из наиболее драматических эпизодов политической биографии Всеслава обычно не рассматривается в связи со строительством: имеется в виду его киевское княжение после изгнания горожанами Изяслава. В течение нескольких месяцев полоцкий князь имел возможность распоряжаться всем хозяйством наследника Ярослава. Можно с уверенностью утверждать, что Всеслав предвидел финал своей киевской эпопеи и готовился к нему. Известно, как за два года до

этого, захватив Новгород, он распорядился церковным имуществом. Подобный образ действий можно предполагать и в Киеве: именно в это время киевская строительная артель могла быть переведена им в Полоцк.

О строительной деятельности Изяслава известно немного. Отнести к его заказу какие-либо каменные постройки можно лишь предположительно. В княжение Изяслава упоминаются Дмитриевский и Спасский монастыри. Можно с определенной долей вероятности утверждать, что в соответствии с обычной для этого времени практикой в монастырях были возведены каменные соборы. Один из них — храм Спаса на Берестове — имеет устоявшуюся датировку временем княжения Владимира Мономаха (1113–1125). Датировка не имеет серьезного обоснования, ибо тот факт, что в 40-е гг. XII в. храм стал усыпальницей потомков Мономаха, не является решающим для определения времени постройки. Систему кладки с утопленным рядом, которую обычно рассматривают как переходную к равнослойной кладке 30-х гг. XII в., также нельзя считать убедительным аргументом в пользу принятой датировки: и та, и другая система кладки могла появиться раньше начала XII в. Слишком жесткая исследовательская логика далеко не всегда отвечает реальной строительной практике. К тому же кладка со скрытым рядом — устойчивый признак полоцкого зодчества после постройки Софийского собора, и ее появление вовсе не обязательно относить к XII в. Мастера-строители храма Спаса на Берестове, при датировке его временем Изяслава, могли принести ее в Полоцк еще при Всеславе. Принципиально важно указать на сходство берестовского храма с собором Дмитриевского монастыря (60-е гг. XI в.): размеры в плане, усложненное решение западной части, притворы (?), параметры плинфы.

Последующее строительство в Полоцке во второй половине XI в. можно прогнозировать, исходя из общерусской практики: его дальнейший ход определялся потребностями княжеской власти и, возможно, епископов. На Бельчицах в загородной княжеской усадьбе строится Большой собор, который исследователи убедительно сближают с берестовским храмом, отмечая также влияние на структуру плана (сдвиг подкупольного квадрата к западу) особенностей Софийского собора. Притворы церкви Спаса на Берестове, как недавно доказано, а фасады, имели трехлопастное завершение, что делает динамичный верх бельчицкого собора также вполне вероятным.

Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре упоминается в начале XII в., но о захоронениях епископов говорится во множественном числе, что позволяет допустить датировку храма XI в. К сожалению, полностью разрушенная восточная часть здания не позволяет судить о возможном сдвиге к западу подкупольного квадрата.

М. К. Каргер склонялся к датировке концом XI в. храма по соседству с Детинцем, «на рву», как его называл П. А. Раппопорт. Далеко выступающая единственная апсида этого сооружения находит аналогию в соборе Евфросиньевского монастыря. Предположительность датировки храма очевидна, как и его идентификация с церковью «Богородицы Старой».

После смерти Всеслава интенсивное строительство в Полоцке продолжается. Поздние белорусско-литовские летописи позволяют связать его с именем князя Бориса и отнести к первым трем десятилетиям XII в. Архитектурно-строительные данные не противоречат, на наш взгляд, датировке этим временем

построек на Бельчицах, собора Евфросиньевского монастыря и части обстройки Софии. Таким образом, мы склоняемся к мысли о раннем обособлении полоцкой школы, интенсивной динамике ее развития во второй половине XI – начале XII в. и глубокой оригинальности отдельных архитектурных решений.

События 1130–1140-х гг., последующий упадок княжеской власти и дробление земли на уделы были крайне неблагоприятны для каменного строительства в Полоцке. Это не исключает, а, скорее, предполагает новые находки каменных построек в других городах Полоцкой земли. В отличие от Новгорода, где во второй половине XII в. на смену князю в качестве заказчика каменных храмов пришли представители иных социальных групп, в Полоцке, возможно, из-за неблагоприятных внешних условий заказчики из числа церковных иерархов и посадского населения не стали ведущей силой в каменном строительстве. К 1150–1160-м гг. лучшие времена полоцкого зодчества были позади.

Предлагаемая версия не противоречит динамике развития других архитектурных центров, которая характеризуется, как и в Полоцке, чередованием «всплесков» и «спадов» строительной деятельности: с середины XI до начала XII в. замирает строительство в Новгороде, а с начала XIII в. и до татарского нашествия — в Киеве, все постройки Пскова домонгольского времени возведены в 30–50-е гг. XII в., а смоленская школа сформировалась и пережила расцвет в конце XII – начале XIII в. Полоцкая школа в этом отношении вовсе не была исключением.

Впервые опубликовано: ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М., 2006. С. 89–100.

ПОЛОЦКИЙ СОФИЙСКИЙ СОБОР В XI ВЕКЕ

Хотя относительно даты (времени) постройки Софийского собора суждения высказывались далеко неоднозначные, его принадлежность к числу древнейших сооружений отечественного зодчества под сомнение не ставилась. Исследователи конца XIX – XX вв. основное внимание сосредоточили на изучении одноименных храмов Киева и Новгорода, сохранившихся гораздо лучше, чем полоцкий храм. Исследования П. П. Покрышкина, К. В. Шероцкого, И. М. Хозерова, Н. Н. Щекотихина, Е. А. Ащепкова, М. К. Каргера, обобщение накопленных сведений о соборе в работах Г. В. Штыхова, Л. В. Алексеева, М. А. Ткачева и др. способствовали уяснению целого ряда историко-архитектурных проблем, связанных с памятником. Не менее важным в них была постановка принципиальных вопросов изучения собора, решение которых оставалось спорным. Весьма небогатые возможности письменных источников по древнейшей истории храма были давно исчерпаны. Иконография памятника не только древняя, но и позднейшая отличается поразительной бедностью. Историю собора, по крайней мере, строительную можно было попытаться восстановить, прежде всего прибегнув к архитектурно-археологическому исследованию. В статье излагаются основные результаты, полученные при археологическом изучении собора в 1975–1980 гг. При этом затрагиваются лишь вопросы, относящиеся к первоначальной стадии строительства храма, его история в XII–XIII вв. не рассматривается.

Пол в соборе XVIII в. был деревянным, его основу составляли балки, опирающиеся на вертикальные стойки, а в некоторых местах на сохранившиеся основания древних столбов. Иконостасом XVIII в. полностью перекрыта древняя северная стена, пилоны ныне существующего собора, а также склепы XVIII–XIX вв. в ряде случаев разрушили или сильно повредили кладку древнего храма.

Фундаментные части храмов конца X – начала XII в. достаточно хорошо изучены. При некоторых различиях в глубине заложения, а также в технических характеристиках между ними существует принципиальная близость. Сходство определяется в первую очередь наличием системы ленточных фундаментов, которые закладывались по продольным и поперечным линиям столбов, составляя вместе с фундаментами под стенами и столбами единый каменный каркас подземной части здания. Ленточные фундаменты можно рассматривать как составной элемент византийской технико-технологической и конструктивной системы, устойчивый опознавательный знак этой архитектурной традиции в древнерусском зодчестве конца X – начала XII в.

Несмотря на уже отмеченные сложности, ситуация на месте раскопок внутри полоцкого храма позволяла удостовериться в наличии или отсутствии системы ленточных фундаментов и тем самым в зависимости от полученного результата по-новому отнестись к вопросу о соотношении полоцкого собора с другими памятниками древнейшей поры.

Поиск ленточных фундаментов был предпринят между предалтарными и подкупольными столбами, между крайней западной парой столбов в центральном нефе, в проходе из центральной апсиды в южную, в юго-западном компартименте, крайнем южном и северном (смежном с центральным) нефах и в других местах храма. Результаты раскопок показали принципиальную идентичность ситуации во всех шурфах, везде верхний слой на глубину 0,1–0,2 м составляют остатки позднего строительного мусора вперемежку с песком, ниже песчаный слой содержит в значительном количестве мелкий щебень домонгольского времени. Его интенсивность постепенно ослабевает, песок становится плотным и обнаруживает все признаки материка. Мощность песчаной подсыпки с инкрустациями домонгольских и более поздних строительных материалов везде разная в зависимости от сохранности каменных кладок, которые ею перекрываются. Каменные кладки, о которых упомянуто, представляют собой разной степени сохранности ленточные фундаменты.

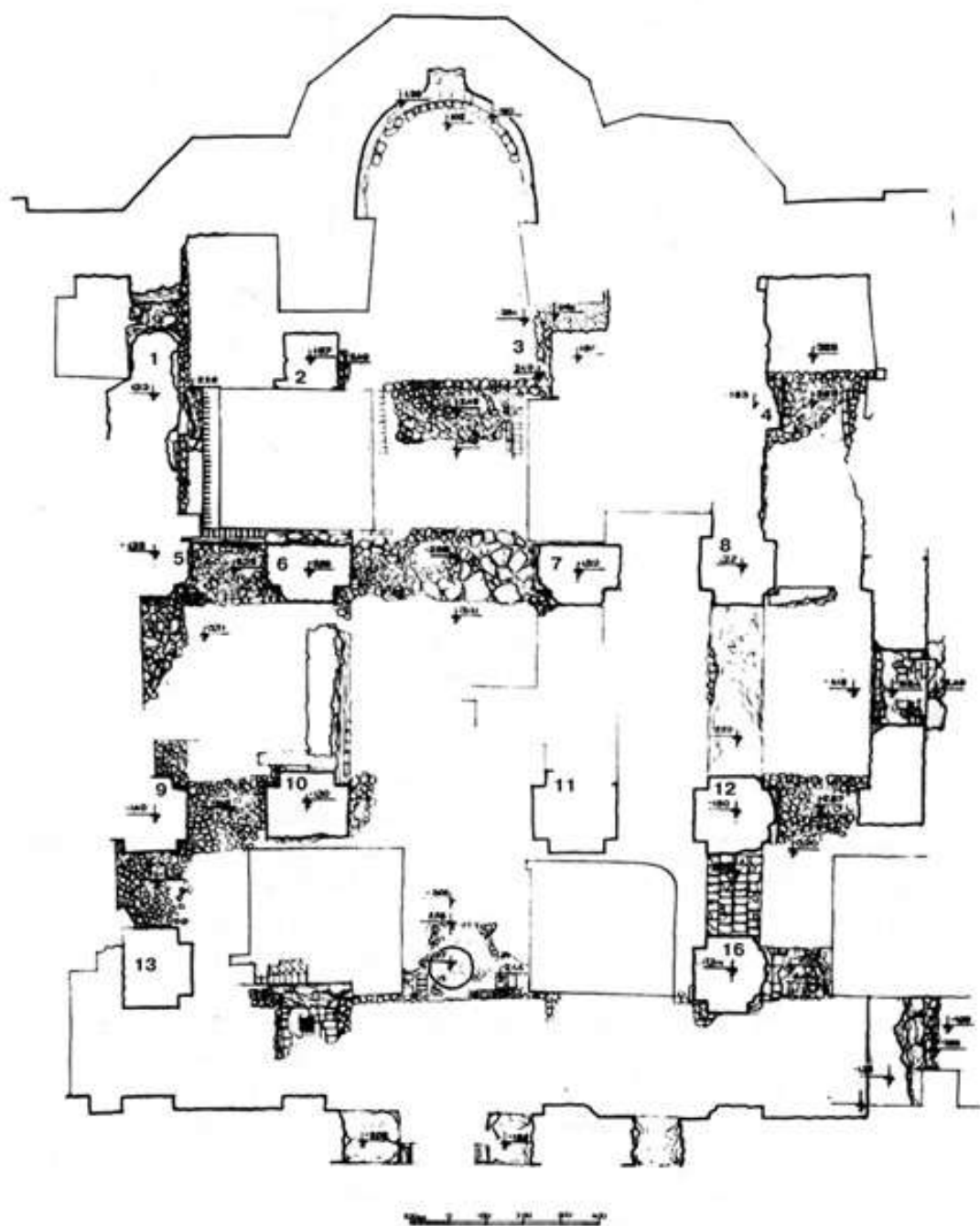
В центральном нефе между восточными предалтарными столбами оказалась кладка из сравнительно небольших на известковом растворе валунов, в котором кирпичная крошка почти полностью отсутствует. Раствор серовато-белого цвета, хрупкий, легко поддается внешнему воздействию. Фундамент очень сильно поврежден при возведении пилонов XVIII в. Глубина его заложения 0,8–0,9 м, толщина 1,7 м.

В неповрежденном виде сохранилось сопряжение ленточного фундамента и продольного фундамента под южным простенком. Обе кладки сложены вперевязку, совершенно одинаковы в технико-технологическом отношении и составляют единовременное целое.

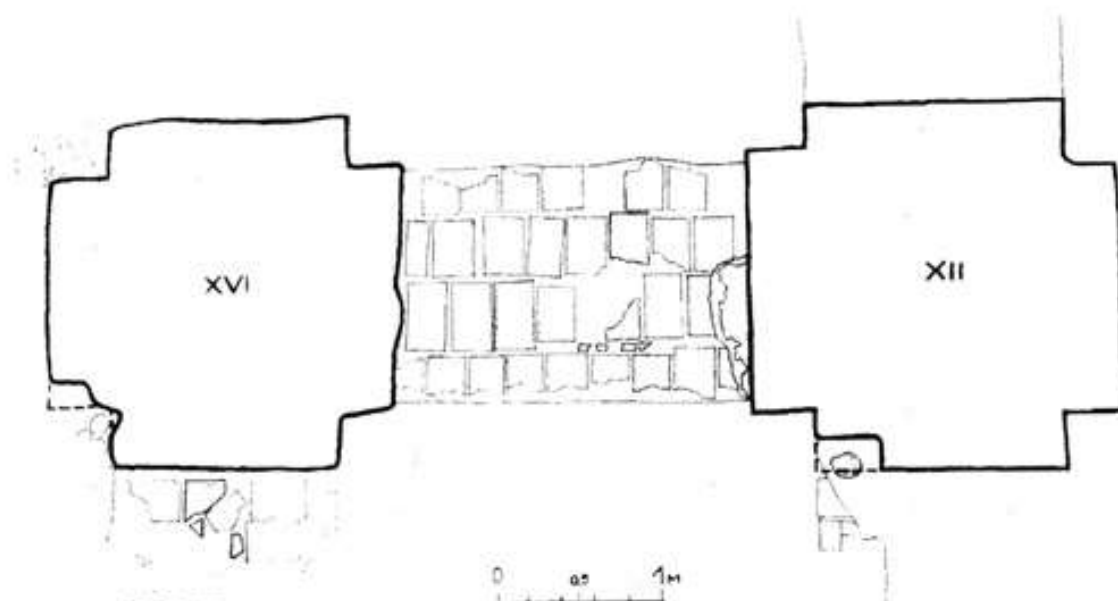
Простенок между центральной апсидой и дьяконником сохранился на высоту 0,8–0,9 м. Фундамент под простенком и в проходе сохранился без выбоин, его выступ из-под стены составляет 0,3–0,33 м, глубина заложения 0,6 м, а толщина 1,8 м.

Открыт ленточный фундамент между восточными подкупольными столбами. В его кладке наряду с мелкими и средними по размеру валунами использованы крупные камни, в поперечнике до 0,75 м. Верхняя часть фундамента сохранилась лишь у северо-восточного столба и в средней части. В южной части фундамент выбран местами до 0,5 м. Длина фундамента между столбами 4,95 м, ширина 1,8 м, глубина заложения уменьшается с юга на север и составляет 0,8–0,9 м. Ширина фундамента соответствует ширине столбов с закрестиями. Зафиксирован и прослежен до стенки позднего склепа продольный ленточный фундамент между южными подкупольными столбами, идентичный по техническим характеристикам с поперечными.

Лучше других сохранился соседний ленточный фундамент между северо-восточным подкупольным столбом и продольной стеной к северу от него. Кладка из мелких валунов сверху обильно полита известковым раствором, ее максимальная ширина 1,8 м, глубина заложения 0,9 м.



Полоцк. Софийский собор. Ленточные фундаменты.
Обмер 1977 г.



*Полоцк. Софийский собор.
Ленточный фундамент с накладкой из плинфы.*

Продольная стена, отделяющая в восточной части крайний северный неф от алтарного пространства, была доступна для расчистки лишь с южной стороны. Стена древняя, ее ширина 1,4 м. Фундамент шире стены и выступает на 0,1–0,2 м, что позволяет предполагать, что его общая ширина составляла, как и в других уже отмеченных случаях, 1,6–1,8 м. Фундамент под стеной во всем идентичен соседним ленточным кладкам. Напротив северо-восточного предалтарного столба сохранился небольшой фрагмент нижней части лопатки (цемяночная подкладка и плинфа в ней). По сторонам лопатка полностью выбита, к югу фундамент под ней переходит в обычный, правда, плохо сохранившийся ленточный фундамент, который в большей части разбит мощным кирпичным основанием пилона XVIII в. И в данном случае подтверждается уже установленный факт: фундамент под стеной и соседний ленточный фундамент составляют единое целое.

Из жертвенника в крайний северный неф на планах нередко показывается правильной формы проем. Расчистка этого участка показала, что стена в этом месте грубо выбита, т. е. стенки «проема» лицевой поверхности не имеют, равным образом и «пол» проема несет все признаки грубой выбоины, а его нижний уровень на 0,4 м выше фундамента. Вероятнее всего, «проем» сделан в XVIII в., а первоначально здесь была сплошная стена.

Особенности фундаментов древнего храма хорошо представлены на расчищенном участке между 9 и 10 столбами. Кладка сохранилась полностью, лишь с восточной стороны имеется небольшая выбоина (0,6 x 0,6 м). Материал и система кладки аналогичны описанным выше. Стенки, как и везде, прямые, без подкосов. Кладка под столбами и ленточный фундамент имеют перевязку. Нижняя часть столбов сложена характерным для полоцкого храма способом: в 0,5 м над ленточным фундаментом положен ряд мощных валунов с попереч-

ником 0,4–0,6 м. Ниже три ряда плинфы, которые предшествуют известковой заливке по верху фундамента. С восточной стороны фрагментарно открыты продольные ленточные фундаменты. На одном из них (между 5 и 9 столбами) вплотную к восточной грани столба 9 сохранились три ряда плинфы на цемяночном растворе, из которых лишь нижний имеет перевязку со столбом. Такого типа надкладка встречается и в других случаях, причем выше она нигде не продолжается: соответствующие грани столбов имеют хорошо проработанную лицевую поверхность. Ширина фундаментов 1,8–1,9 м, глубина заложения не выявлялась. Продольные ленточные фундаменты расчищены в северо-восточной части здания между 6 и 13 столбами, между 13 столбом и западной стеной храма. Глубина заложения фундамента 1 м.

Особый интерес вызывали остатки столба, сохранившиеся в западной части центрального нефа между 14 и 15 столбами. Не предвосхищая вопроса о его назначении, следовало уяснить, как соотносится эта конструкция с соседними и нижележащими кладками. Из-за многочисленных сколов первоначальная форма столба устанавливается не без труда. Несколько сохранившихся плинф с лицевой стороны дают основание для того, чтобы подтвердить его первоначальную восьмигранную форму.

Древность столба, его отнесение к первоначальному этапу строительства сомнения не вызывает: столб сложен из плинфы в системе со скрытым рядом, на цемяночном растворе с крупными фракциями кирпичной крошки.

При расчистке участка к северу и югу от столба выяснилось, что он стоит на ленточном фундаменте того типа, который описан выше. Глубина его залегания 1,1 м, ширина 1,9 м. Края, примыкающие к пилонам XVIII в., сильно выбиты, особенно в нижней части. Столб поставлен не по середине стены, а ближе к ее западному краю: от западной линии фундамента столб отстоит на 0,25 м, от восточной — на 0,6 м. Над фундаментом местами сохранилось три ряда кладки из плинфы, на которую вперевязку с ней поставлен восьмигранный столб. Единовременный характер этих кладок сомнений не вызывает. Конструктивная связь восьмигранного столба с фундаментной частью позволяет уверенно утверждать его изначальное назначение в качестве опоры, которая поддерживает хоры. Предположение о какой-то иной функции этого элемента следует, на наш взгляд, признать несостоятельным.

Древние столбы к северу и югу от восьмигранного основания оказались почти целиком разрушенными при сооружении пилонов XVIII в. Однако примыкавшие к ним с запада продольные ленточные фундаменты удалось зафиксировать как раз в месте их сопряжения с фундаментом, на котором поставлен восьмигранный столб. Тем самым появилась возможность зафиксировать ширину центрального нефа на уровне фундаментов, она составляет 5,1–5,2 м. Кроме того, выяснилось, что продольная ось восьмигранного столба приходится на середину фундамента между столбами 14 и 15. Иначе говоря, столб находится на оси центрального нефа. Его сдвиг к западному краю связан с корректировкой плана перед возведением наземных частей.

Как уже отмечалось, на ленточных фундаментах в нескольких местах зафиксирована выравнивающая надкладка из плинфы, относящаяся к фундаменту и не предназначенная для обозрения. Уровень ее верха задает положение пола, по крайней мере, пол не мог быть опущен ниже надкладки. Описываемая ситуация

интересна еще и тем, что позволяет не только констатировать структуру подземных конструкций и последовательность их сооружения, но и установить объем работ, выполненных в течение первого сезона: на известковой заливке по верху валунного фундамента фиксируется прослойка песка, смешанного с землей и раствором толщиной около двух сантиметров. Выше положен слой цемяночного раствора для надкладки из плинфы. Прослойка, надо полагать, указывает на завершение работ по выведению фундаментов в течение первого сезона и на перерыв перед возведением наземных частей в начале следующего сезона.

В юго-западной ячейке древнего храма раскрыта единая система кладок вокруг столба 16, которую составляют фундаменты под столбом и два ленточных фундамента между столбом и стенами (западной и южной). Тем самым доказывается, что Софийский собор был задуман и осуществлен как пятинефный храм. Продольный фундамент к востоку от столба 16 сохранился особенно хорошо. Кирпичную кладку составляют 3–4 ряда плинф, не оставляющие сомнения в том, что они выполняют роль выравнивающей надкладки фундамента.

Несколько большую, чем обычно, глубину заложения, 1,35 м, имеют ленточные фундаменты между 8 и 12 столбами, а также южной стеной и 4 столбом. На этих участках отмечен резкий сдвиг кладки из плинфы по отношению к фундаменту из валунов, что свидетельствует о серьезных коррективах, внесенных зодчим при вторичной разбивке плана.

Таким образом, продольные и поперечные ленточные фундаменты зафиксированы по всем структурным линиям здания. Они образуют единую конструктивную систему, которая задумана и осуществлена одновременно во всех частях.

Единство конструктивной системы проявляется в полном совпадении технико-технологических характеристик фундаментов, которые несут наземную кладку, и ленточных фундаментов, которые такой нагрузки не имеют. Нет принципиальной разницы и в глубине залегания. При заглублении в среднем на 1–1,1 м отклонения в сторону несколько большей глубины заложения (в основном это отмечено в южной части храма) фиксируются в равной мере и под ленточными и под стеновыми фундаментами. Это значит, что зодчий не ставил глубину заложения фундамента в зависимости от нагрузки, которую предстояло испытать кладке. При сравнении по этому показателю полоцкого храма с другими постройками X – начала XII в. можно заметить, что наибольшую близость к нему обнаруживают киевские постройки первой половины – середины XI в., особенно София Киевская (ее фундаменты имеют глубину заложения 1–1,1 м). Новгородская София и Черниговский Спас имеют значительно более мощные фундаменты. Как и в полоцком соборе, во всех других постройках отмечаются заметные колебания в глубине заложения фундаментов, не связанные с учетом большей или меньшей статической нагрузки. Надо полагать, глубина заложения зависела прежде всего от опыта зодчего и оценки им прочности материкового грунта. Подошва фундаментного рва, как известно, тщательно выравнивалась, и разница в высоте кладки могла происходить за счет неравномерной планировки строительной площадки. Выравнивание уровней, особенно важное при устройстве пола, осуществлялось подсыпкой по всей площади храма и надкладкой фундаментов после корректировки плана.

Перед постройкой нового храма в середине XVIII в. древнюю постройку активно использовали лишь в тех частях, которые оказались на трассе стен

нового храма. Это относится к сохранившимся на большую высоту восточной и западной стенам. Остальные кладки оказались в лучшем случае использованными в качестве опор для балок пола. Однако нигде древняя кладка не была разобрана до основания, т. е. до подошвы фундамента. Лишь в таком случае появилась бы возможность для подробного изучения этой части здания. Тем не менее технологические и конструктивные особенности фундаментной подушки в общих чертах удалось установить.

В подошвенной части фундаментных кладок в ряде случаев отмечены сквозные, через всю толщину фундамента проходящие отверстия. Это гнезда поперечных лежней, крепивших систему продольных деревянных конструкций. Такие полости обнаружены под проходом из центральной апсиды в дьяконник (два отверстия на расстоянии 0,77 м друг от друга), между 1 и 5 столбами, между 14 и 15 столбами (здесь сохранились следы продольного лежня), под фундаментом южной стены (в западном прясле снаружи) — два гнезда от поперечных лежней на расстоянии 0,72 м друг от друга. По форме лежни представляли собой брусья прямоугольного сечения. В гнездах сохранились волокна древесины, прилипшие к стенкам из известкового раствора. В местах пересечения продольных и поперечных брусьев видно, что поперечный брус сверху врубался в продольные брусья, скрепляя их. Деревянные субструкции обильно политы известковым раствором фундаментного типа.

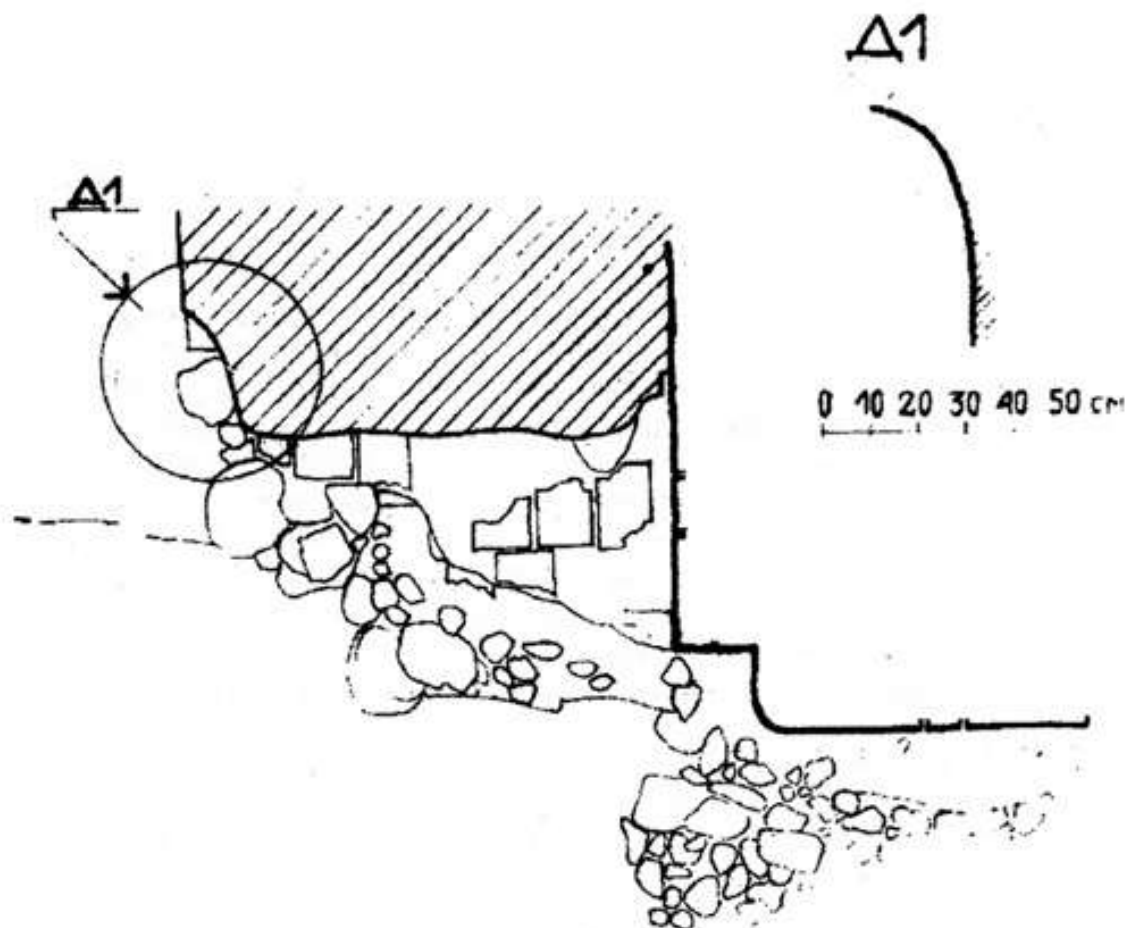
Система деревянных лежней в основании фундамента является устойчиво повторяющимся конструктивным приемом в практике каменного строительства древнейшего периода. Наличие его в полоцком храме относится к числу характерных деталей, совокупность которых позволяет приблизиться к решению проблемы датировки храма и включению его в определенный историко-архитектурный контекст.

К числу вопросов, особенно важных для уяснения ситуации, которая предшествовала началу строительства на месте будущего собора, является вопрос о том, насколько обжитой была территория Верхнего Замка к моменту возведения храма. К сожалению, капитальные работы XVII–XVIII вв., многочисленные захоронения в склепах, перестилка пола в начале XX в. и расчистка подполья перед реставрационными работами 70-х годов привели к ликвидации всех культурных напластований внутри собора. По всей площади после срезки дневную поверхность составляет песок вперемежку со строительным мусором. Уровень современной поверхности везде ниже уровня древнего пола. Верхний слой принадлежит, надо полагать, или подсыпке под пол, или выбросу из многочисленных захоронений внутри храма. Верх фундаментов перекрывается именно этим слоем. Ниже начинается чистый мелкозернистый песок — материк, в который впущены фундаменты храма. На глубине 1,3–1,5 м появляются грунтовые воды.

Лишь в юго-западной части собора сохранился небольшой фрагмент ненарушенного слоя, свидетельствующий о том, что каменное строительство велось уже на обжитом месте. Это сравнительно тонкий слой черного цвета с очевидными признаками пожарища. В нем встречается керамика начала — первой половины XI в. Слой соответствует верху фундаментов, которые были опущены именно с этого уровня. Слой пожарища дает основание считать, что каменному храму предшествовала погибшая в пожаре деревянная постройка.

Сохранившиеся части полоцкого собора не дают однозначного ответа на вопрос об устройстве северного и южного рукавов поперечного нефа (трансепта). Как известно, в киевской Софии крестообразное пространство центральной части храма выделено в двух ярусах тройными аркадами, которые опирались на два прямоугольных столба. В новгородской Софии расположено по одному столбу в западной части центрального нефа и в рукавах трансепта. В двух ярусах им соответствуют двойные арки. В обоих случаях представлены принципиально близкие решения, типичные для византийского зодчества.

В полоцком храме столбы в трансепте отсутствуют, а назначение восьмигранного столба в центральном нефе вызывает различные толкования. Следует при этом учесть, что западные апсиды храма некоторыми исследователями признаются первоначальными и объясняются влиянием романской архитектуры. При такой позиции само наличие в полоцком храме столбов и опирающихся на них арок в подхорной части становится проблематичным. Тем более важно внести ясность в этот вопрос, поскольку речь идет о первоначальном замысле пространственной организации интерьера.



Полоцк. Софийский собор.
Отпечаток подхорного столба в северной части трансепта.

Ранее было показано, что восьмигранный столб в центральном нефе был задуман как опорная конструкция, его назначение состояло в поддержке хор. В трансепте каких-либо остатков подобных опор не сохранилось. В северном рукаве трансепта между столбами 5 и 9 находился кирпичный склеп, его южная стенка частично приходилась как раз на то место, где полагалось быть древнему столбу. Выяснилось, что при устройстве склепа столб еще существовал и его остатки не были разобраны: их включили в кладку стены склепа, но затем какие-то обстоятельства заставили убрать древнюю кладку. Однако след в виде отпечатка в цементном растворе кладки XIX в. сохранился. В растворе отчетливо запечатлелась, во-первых, округлая форма исчезнувшей кладки, во-вторых, следы, вероятно, околотых плинф и, в-третьих, прилипшие к свежему цементу фракции первоначального раствора. Местоположение и форма отпечатка не оставляют сомнения в том, что подобные следы мог оставить только древний столб под хорами.

Ситуация на месте столба в южной части трансепта оказалась схожей. И здесь удалось зафиксировать отпечаток древнего столба в поздней кладке, но форма отпечатка оказалась не столь хорошо сохранившейся, менее выразительной.

Таким образом, в северной и южной части трансепта, как и в западной части центрального нефа, первоначально было по одному подхорному столбу, т. е. здесь был осуществлен не киевский, а новгородский вариант. Впрочем, в данном случае важны не столько моменты сходства или несходства, а принципиальная одинаковость приема, который еще раз указывает на характерно византийское мышление зодчего. О романском влиянии ни на технико-технологическом, ни на конструктивном или композиционном уровне говорить не приходится. Интерьер полоцкого собора был решен на основе тех же принципов, что и внутреннее пространство Софийских соборов Киева и Новгорода.

В храм вели три входных проема, сохранность которых неодинакова. Лучше других фиксируются остатки южного портала. Его притолоки сохранилилицевую хорошо затертую обмазку. В северной части имеются остатки «четвертей», приложенных к лицевой поверхности притолок. Они сложены из плинфы на цемяночном растворе более светлого цвета и более крупном, чем в стенах. Размеры западной четверти 0,55 x 0,2 м, восточной — 0,5 x 0,2 м. На них сохранились остатки первоначальной фресковой росписи домонгольского времени. Толщина южной стены в портале 1,51 м, ширина входного проема 2,16 м.

Входной проем в западной стене аналогичен южному. При той же толщине стены (1,5 м) его ширина несколько больше — 2,42 м. Лицевые стороны притолок сохранили хорошо заглаженную поверхность. Четверти имеют размер 0,7 x 0,3 м. Средняя часть стены в проеме выбрана до фундамента. Оба портала сохранили остатки поздней закладки из колотой плинфы на глине.

Северная стена на месте входного проема разобрана до фундамента. Боковые стенки портала удалось зафиксировать в поздней закладке. Как и в предыдущих случаях, они сохранили фрагменты лицевой отделки, ширина северного входа 1,98 м. Обращает на себя внимание своего рода «иерархия» в величине входных проемов. Западный портал был, надо полагать, главным, его репрезентативность подчеркнута размером. В этом отношении наиболее скромно выглядит северный проем.

Пол древнего храма не сохранился. Как уже отмечалось, по всей площади собора культурный слой срезан, песчаная подсыпка вывела всю поверхность на один уровень, вероятно, соответствующий верху фундаментной накладки из плитки. С этого уровня или несколько выше и был положен пол. В западном нефе раскрыто погребение, закрытое вперемежку без всякого порядка набросанными плитками. По цвету это обычный древнерусский набор — с коричневой, желтой и зеленой поливой. Такие плитки встречались и в разрозненном виде. Из них, вероятно, и был выложен первоначальный пол. Попытки найти следы престола, кивория, алтарной преграды к успеху не привели. Малые архитектурные формы древнего храма без остатка исчезли при многочисленных ремонтах и перестройках.

После того как выяснены функции 8-гранного столба в западной части центрального нефа и найдены отпечатки подобных же столбов в трансепте, существование хор в соборе сомнений не вызывает. Правда, одновременно, как следствие, появляется другой вопрос — о том, как попадали на хоры.

С учетом возможности обнаружить остатки башни были проведены работы в юго-западной и северо-западной ячейках храма. Выяснилось, что какие-либо признаки такого рода сооружения в этих местах отсутствуют. Подобная картина повторилась при обследовании участка перед западной частью южной стены (снаружи). Оставалось проверить площадь перед северо-западным углом собора. Заложенный в 1976 г. на этом месте шурф показал наличие на глубине 2,5 м фундаментной кладки. Исследование было продолжено на более обширном участке.

На глубине 2,4–2,5 м была открыта кладка из мелких валунов. Западная часть кладки находится на трассе западной стены древнего храма, северная часть, едва выступающая из-под врезанного в нее фундамента XVIII в., ориентирована на восток. Южный и восточный края кладки прослежены быть не могут, они находятся под зданием XVIII в. Фундамент сохранился неравномерно, его западная часть выступает из-под поздней стены на 2 м, северный край едва на 0,5–0,6 м. Кладка сверху довольно сильно выбрана, лучше всего сохранилась ее северо-западная часть.

Фундамент сложен на древнем растворе, глубина заложения 0,7–0,8 м. Боковые стенки имеют ясно выраженный подкос. Протяженность фундамента в восточном направлении 7,4 м, в южном — 7,2 м. При бетонировании пола внутри северо-западного помещения удалось сделать важные наблюдения: например, выяснилось, что древняя кладка фундаментного типа продолжается и здесь по всей площади помещения. Таким образом, открытая кладка представляла собой сплошную платформу, близкую в плане к квадрату. Местоположение, характер кладки, аналогичные решения в других постройках XI — начала XII в. позволяют утверждать, что найденные остатки являются основанием башни, примыкающей к западному пряслу северной стены древнего храма.

Врезавшаяся в древний фундамент стена не является однородной по примененному в кладке материалу. Хотя она сложена из кирпича, но ее назначение заключалось, конечно, в том, чтобы служить фундаментом. Размеры кирпича в кладке 26–28 x 12,5–14,5 x 5,5–6,5 см. Раствор известковый темно-серого цвета, довольно прочный.

На глубине 2,2–2,3 м характер кладки меняется. В этом месте западная стена имеет выступ в один кирпич шириной 9–11 см и высотой 0,1–0,3 м.

Выступ сложен из колотой плинфы на растворе серого цвета без примеси цемьянки. И материал кладки, и раствор, и в целом характер идентичны с кладкой нижней части западных апсид. Эти кладки появились в одно и то же время. Сходство кладки с западными апсидами позволяет допустить крупные строительные работы в храме, в процессе которых еще до Флориана Гребницкого произошло коренное изменение композиционной структуры Софийского собора. Флориан Гребницкий использовал уже готовую идею, придав ее воплощению более репрезентативный характер в духе барокко середины XVIII в.

Установлено, что западные апсиды не являются первоначальными. Решающим аргументом в пользу их позднего происхождения стали открытые раскопками остатки пристройки, возведенной не позднее XII в. и примыкавшей к западному фасаду храма. Хорошо сохранился юго-западный угол пристройки. Южную стену составляет кладка из плинфы (2–4 ряда) на фундаменте из валунов с ясно выраженным подкосом. Глубина его заложения меньше, чем у фундаментов основного объема, — 0,7 м. Наземная кладка имеет ширину 1,1–1,2 м, ее лицевая сторона по большей части утрачена. Торцом стена упирается в крайнюю южную лопатку западной стены храма. К следующей (к северу) лопатке примыкала стенка, параллельная уже описанной, которая дошла лишь в виде фундамента, выступающего из-под южного края боковой апсиды. Аналогичная по техническим характеристикам западная стена пристройки сохранилась только в южной части, доходя примерно до середины боковой (южной) апсиды. Далее на ее трассе фиксируются незначительные следы фундаментного рва и колки, укреплявшие его подошву. В центре образованного кладками помещения выявлены остатки квадратного в плане столба из плинфы на фундаменте с таким же подкосом, как и в фундаментах под стенами.

Открытая кладка является остатком галереи, примыкавшей к западному фасаду храма по всей его длине. Западные апсиды оказываются включенными в «интерьер» галереи, что делает невозможным их одновременное существование, как в функциональном, так и в композиционном отношении.

В юго-западной части галереи прослеживается картина ее обрушения, упавшая лицевой стороной вниз западная стена лежит на мощном горелом слое, сразу под которым начинается материк. Катастрофа случилась в процессе строительства или же сразу после возведения пристройки.

Галерея пристраивалась к уже набело отделанному фасаду, вероятно, вскоре после завершения бокового объема. Кладка фундаментов галереи и башни близка, что позволяет видеть в их строительстве второй этап реализации первоначального замысла зодчего.

Полученные при раскопках данные позволили реконструировать замысел первоначальной плановой структуры здания, установить местоположение лестничной башни и галереи. Выявленные технико-технологические и композиционные особенности собора позволяют уверенно датировать его серединой XI в. и поставить в один типологический ряд с одноименными храмами Киева и Новгорода.

Впервые опубликовано: Гістарычна-археалагічны зборнік. № 15. Мінск, 2000. С. 132–138.

СОФИЙСКИЙ СОБОР В ПОЛОЦКЕ (К ВОПРОСУ О ЗАПАДНЫХ АПСИДАХ)

Полоцкий Софийский собор принадлежит к числу древнейших памятников отечественной архитектуры. Он является современником крупнейших каменных сооружений Руси первой половины — середины XI в. — Софийских соборов Киева и Новгорода, а также Спасо-Преображенского собора в Чернигове. Этим определяется его значимость для изучения начальных этапов развития древнерусского зодчества.

О времени постройки собора ни летописи, ни какие-либо другие письменные источники не сообщают. Правда, летописи сохранили известие о том, что в 1066 г. полоцкий князь Всеслав после захвата Новгорода увез в Полоцк колокола Софийского собора. Этот факт может рассматриваться как косвенное указание на существование полоцкого храма уже в это время. В связи с киевскими событиями 1068 г. собор упоминается в «Слове о полку Игореве». Известно, что в начале XII в. при Софийском соборе жила будущая основательница Спасского монастыря Евфросинья. Все это, вместе взятое, а главное, технические, типологические и стилистические особенности здания делает вполне обоснованным утверждение о постройке его в середине XI в.

Софийский собор не сохранился до наших дней в своем первоначальном виде. Хотя его строительная история не может быть восстановлена с исчерпывающей полнотой, тем не менее некоторые ее узловые моменты намечены исследователями архитектуры¹. Предполагается, что собор основательно перестраивался в конце XV — начале XVI в. Крупные ремонтные работы проводились в начале XVII в., затем в начале XVIII в. и, наконец, в 1738–1750 гг. при архиепископе Флориане Гребницком. Последняя перестройка и определила облик сохранившегося до нашего времени здания.

Изучение Софийского собора как памятника архитектуры началось в конце XIX в.² Особенно важные наблюдения были сделаны А. М. Павлиновым,

¹ *Ткачой М. А.* Новое пра Сафійскі сабор // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1972. № 2. С. 18–23; *Он же.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII ст. Мінск, 1978. С. 130; *Aleksandrowicz S.* Nove źródło ikonograficzne do obłęznia Polocka w. 1579 // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. Warszawa, 1971. T. XIX. № 1. S. 28–29.

² *Семеновский А. М.* Полоцкая Софийская церковь // Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. Витебск, 1878. С. 61; *Сапунов А.* Полоцкий Софийский собор. Витебск, 1888. С. 2–8; *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. СПб., 1890. С. 27; *Быковский К. М.* Архитектурные памятники Северо-Западного края // Труды Виленского отделения предварительного комитета IX археологического съезда. Вильна, 1893. С. 85–86; *Павлинов А. М.* Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1895. Т. I. С. 8–11; *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до середины XIV века. Киев, 1896. С. 16.

который предпринял попытку выделить сохранившиеся древние части в составе здания середины XVIII в. Кроме того, исследователь обратил внимание и на ту часть полоцкого храма, которая ставит его особняком среди древнерусских сооружений XI в. Имеются в виду апсиды с западной стороны собора, повторяющие размером, формой и декором древние восточные апсиды. Следует ли их появление связывать с первоначальным замыслом зодчих или же отнести к одному из поздних ремонтов и перестроек? В зависимости от ответа на этот вопрос находится не только оценка архитектурного своеобразия Софийского собора, но, учитывая небольшое количество каменных построек конца X – первой половины XI в., и наше представление о начальном этапе формирования древнерусского зодчества, его взаимоотношениях с архитектурой соседних стран. Если западные апсиды относятся к первоначальному периоду, то, принимая во внимание территориальную близость Полоцкой земли к странам Центральной и Западной Европы, в средневековой архитектуре которых подобное решение не является редкостью, появляются серьезные основания для того, чтобы объяснить эту особенность полоцкого собора результатом воздействия романской архитектуры.

Павлинов полагал, что западные апсиды не являются древними, а их пристройка вызвана соображениями композиционного порядка при возведении ныне существующего здания³.

В начале XX в. в соборе были проведены большие ремонтные работы при участии П. П. Покрышкина, В. В. Суслова и И. П. Суханова⁴. По ходу ремонта были получены новые данные, касающиеся древнего храма. Они были обобщены в статье К. Шероцкого, который, в частности, писал: «Уцелели все основания древнего храма, а также западные и восточные стены его, которые вошли в состав нового здания, перерезавшего старое поперек, с севера на юг. Западную часть храма с такими тремя апсидами, какие имеются и у восточной, А. М. Павлинов считал новою пристройкою, сделанною ради симметрии с восточным алтарем. На самом же деле вся эта часть древняя. Почти до самого верха она сложена из булыжника и розовых кирпичей на известковом растворе с кирпичным щебнем»⁵.

Этот вывод имел своим следствием заключение, которое должно было привести реконструкцию первоначального облика здания в соответствие с летописным упоминанием о завершении его семью главами⁶. Две главы, по предположению К. Шероцкого, венчая восточную и западную апсидные части, дополняли пятиглавие храма, аналогичное завершению средних частей киевской и новгородской Софии. Две системы апсид, согласно К. Шероцкому, составляют главную особенность здания, сближающую его с западноевропейской архитектурой⁷.

³ Павлинов А. М. История русской архитектуры. М., 1894. С. 52.

⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 157. Л. 10, 96 и след.; Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке // Дмитрию Власьевичу Айналову от учеников к двадцатипятилетию его ученой деятельности. Пг., 1915. С. 79.

⁵ Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 79–80.

⁶ НПЛ. М.: Л., 1950. С. 476.

⁷ Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 82, 85.

Реконструкция плана с западными апсидами ставила Софийский собор в особое положение среди построек XI в., хотя Шероцкий и признавал, что в целом полоцкий храм находится в одном типологическом ряду с древнерусскими, а не романскими сооружениями⁸. Несмотря на спорность целого ряда положений, статья Шероцкого стала важным этапом в изучении полоцкого собора. С ее выводами должны были считаться все последующие исследователи древнерусского зодчества.

В 20–30-е гг. изучением древних частей Софийского собора занимались Н. И. Брунов, Н. Н. Щекотихин, И. М. Хозеров. Визуальные наблюдения (археологических работ не производилось) не привели ученых к единому мнению относительно происхождения западных апсид.

Н. И. Брунов, анализируя архитектурные особенности полоцкого храма, придерживался той же позиции, что и К. Шероцкий, — западные апсиды он считал первоначальными и связывал их появление с романским влиянием⁹. В качестве компонента изначальной композиции рассматривал западные апсиды и А. И. Некрасов¹⁰.

Противоположную точку зрения отстаивали белорусские исследователи Н. Н. Щекотихин и И. М. Хозеров. Утверждение К. Шероцкого о первоначальности западных апсид они считали ошибочным. В пользу позднего происхождения этой части здания был приведен целый ряд новых аргументов (следы древнего западного портала, поздний раствор в кладке апсид, характер внешней стороны западной стены)¹¹. Генезис архитектурной композиции Софии Полоцкой ставился в прямую связь с древнерусским и византийским зодчеством.

Крупные исследования Софийского собора были проведены в 1946–1947 гг. архитектором Е. А. Ащепковым¹². Оценивая роль западных апсид в архитектурном решении здания, Е. А. Ащепков особо отмечал логичность их как средства уравновесить массы при первоначальной, по его мнению, строго симметричной объемно-пространственной композиции¹³. Для подтверждения этой мысли было сделано несколько глубоких зондажей в стенах западных апсид снаружи и внутри. Выяснилось, что под поздней кирпичной облицовкой на глубине 30–40 см от лицевой поверхности встречаются булыжники и плинфы на древнем цемяночном растворе¹⁴. Это наблюдение позволило сделать вывод о неоднократных ремонтах апсид, в ходе которых использовался не только брусковый кирпич, но и древняя плинфа¹⁵. Шурф, заложенный на стыке западной стены и

⁸ Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 84.

⁹ Брунов Н. И. Беларуская архітэктура XI–XII ст. // Зборнік артыкулаў. Мінск, 1928. С. 275; Alpatov M., Brunov N. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932. S. 50.

¹⁰ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII веков. М., 1936. С. 37–38.

¹¹ Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. I. Мінск, 1928. С. 105; Хозераў М. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду // Запіскі аддзела гуманітарных навук і белкульты. Кн. 6. Мінск, 1928. С. 111–113.

¹² Ащепков Е. Отчет об исследовании древнейших памятников Полоцка летом 1946 года; Он же. Отчет о работах по исследованию древних памятников г. Полоцка Институтом истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР летом 1947 года. НАРБ. Ф. 903. Оп. 3. Д. 34. Л. 41–59, 154–172.

¹³ Ащепков Е. Отчет об исследовании древнейших памятников Полоцка летом 1946 года. Л. 50.

¹⁴ Ащепков Е. Отчет о работах по исследованию древних памятников г. Полоцка. Л. 48–49.

¹⁵ Там же. Л. 163.

южной апсиды, убедил исследователя в том, что западная алтарная часть, хотя и серьезно перестроенная, все же принадлежит древнейшему зданию. Вопрос о датировке западных апсид Е. А. Ащепков считал исчерпанным¹⁶.

Однако И. М. Хозеров, наблюдавший за теми же работами, которые убедили Е. А. Ащепкова в древнем происхождении апсид, пришел к прямо противоположному выводу. По его мнению, в результате проведенных работ окончательно установлен факт «более позднего, чем сам собор, сооружения западных апсид, во всяком случае не в раннефеодальную эпоху. Можно полагать, что эти постройки могли быть осуществлены не ранее, чем в XIV веке»¹⁷. Как видим, выводы, сделанные на материале одного и того же исследования, носили взаимоисключающий характер, поэтому вопрос о происхождении западных апсид остался открытым.

Неудивительно, что в научной литературе послевоенного времени план Софийского собора фигурирует в двух вариантах — с западными апсидами и без них. Н. Н. Воронин и М. К. Каргер в «Истории культуры Древней Руси» план собора дают по И. М. Хозерову, т.е. без западных апсид, но, судя по тексту, допускают возможность их древнего происхождения¹⁸. В вышедшем через два года первом томе «Истории русского искусства» Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев со ссылкой на новейшие исследования считают западные апсиды поздней пристройкой¹⁹.

К. Н. Афанасьев, анализируя пропорции храма, использует план с западной алтарной частью. Основываясь на выводах Е. А. Ащепкова, К. Н. Афанасьев полагает, что «апсиды относятся к первоначальным архитектурным формам собора, что хорошо согласуется с композиционными особенностями всего объема здания, имеющего строго квадратный план»²⁰. Со ссылкой на исследования П. П. Покрышкина, Е. А. Ащепкова и М. К. Каргера²¹ принадлежность западных апсид первоначальному строительному периоду утверждает Л. В. Алексеев²². Более осторожную позицию занимает Г. В. Штыхов, для которого «вопрос не совсем ясен и требует дальнейших исследований»²³. Другие историки архитектуры принимают выводы И. М. Хозерова, и на публикуемых ими планах София Полоцкая предстает без западных апсид²⁴. Интересные суждения по рассматриваемому вопросу содержатся в работах С. Александровича и М. А. Ткачева. Сопоставляя графические изображения Софийского собора XVI — начала XVIII в., они пришли к заключению, что западные апсиды позднего происхождения²⁵.

¹⁶ Там же. Л. 172.

¹⁷ Хозеров И. М. Полоцкое зодчество XI–XII веков в свете новых исследований. Архив ИИ НАН Беларуси. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

¹⁸ Воронин Н. Н., Каргер М. К. Архитектура // История культуры Древней Руси. Т. II. М.-Л., 1951. С. 262–263.

¹⁹ История русского искусства. М., 1953. Т. I. С. 316.

²⁰ Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961. С. 66, 68.

²¹ Нам неизвестны работы М. К. Каргера, в которых содержится подобное утверждение.

²² Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 196–197.

²³ Штыхов Г. В. Древнеполоцкое каменное зодчество // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 264.

²⁴ Егоров Ю. Градостроительство Белоруссии. М., 1954. С. 15; Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии. Минск, 1977. С. 22; Aleksandrowicz S. Op. cit. S. 26–29.

²⁵ Ткачой М. А. Новае пра Сафійскі сабор. С. 18–23; Он же. Абарончыя збудаванні... С. 130.

Из этого краткого экскурса в историю изучения вопроса легко заметить, что за 100 лет поставленная проблема не получила удовлетворительного решения. Хронологический диапазон, в котором датируются апсиды, чрезвычайно широк — от XI до XVIII в. Попыткой внести ясность в затянувшийся спор были археологические раскопки, предпринятые в 1976–1978 гг. с целью ответить на вопрос, можно ли западные апсиды считать первоначальными²⁶.

Прежде чем обратиться к результатам археологического изучения апсид, необходимо внести ясность в вопрос о назначении существенно важного в интерьере собора компонента, который вызывал, как и западные апсиды, разноречивые суждения исследователей, — остатков древнего восьмигранного столба²⁷ в западной части центрального нефа. К. Шероцкий, исходя из аналогии с киевским и новгородским соборами, склонялся к тому, что столб служил опорой для поддержки хор²⁸. Иного мнения придерживались И. М. Хозеров и Н. Н. Щекотихин, считавшие, что это остатки восьмигранного основания под купель²⁹.

Так как столб находится напротив центральной апсиды, то, приняв во внимание точку зрения К. Шероцкого, следует связать рассматриваемую кладку с архитектурной композицией собора и допустить существование массивной конструкции в самом неподходящем для западного алтаря месте (предполагая, что апсиды относятся к первоначальному замыслу строителей). Функциональная логика заставляет по крайней мере усомниться в целесообразности одновременного существования столба под хорами и западных апсид. Если же согласиться с И. М. Хозеровым и Н. Н. Щекотихиным, то, поскольку купель вовсе не обязательный элемент композиции и может рассматриваться лишь в ряду малых архитектурных форм, ее размер и местоположение не противоречат столь очевидному назначению западных апсид. Поэтому, прежде чем непосредственно приступить к изучению апсид, надо было попытаться уяснить конструктивный смысл и функцию рядом расположенной архитектурной формы.

Зачистка кладки и раскрытие ее нижних частей показали, что столб поставлен на ленточный фундамент (глубина заложения 1,1 м, ширина 1,9 м) и составляет с ним единое целое. Столб несколько сдвинут к западному краю фундамента, но находится на равном расстоянии от соседних древних пилонов. Тем самым подтверждается его подлинное назначение — это остатки опорной конструкции под хорами, а не основание крестальной купели³⁰.

²⁶ Раскопки вела экспедиция кафедры истории искусства Ленинградского университета под руководством автора настоящей статьи. Предварительные результаты опубликованы: Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 400–401; Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 411; Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 430.

²⁷ По мнению Г. М. Штендера, столб первоначально имел круглую форму. См.: Археологические открытия 1976 года. С. 400.

²⁸ Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 82–83.

²⁹ Хозераў І. М. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду. С. 117; Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. С. 105.

³⁰ К этому следует добавить, что нижняя часть столба сложена из илнфы в системе со скрытым рядом и имеет такую же отделку лицевой стороны, как и стены XI в. У основания столба было найдено множество фрагментов фресок.

В пользу такого истолкования свидетельствуют обнаруженные следы существования подобных же столбов и в поперечном нефѣ³¹. Таким образом, в решении этой части интерьера полоцкого храма выявляется несомненное сходство с другими древнерусскими постройками первой половины – середины XI в., и в первую очередь с новгородским Софийским собором.

Хорошо сохранилась и доступна для изучения нижняя часть западной стены собора XI в. Важный для решения рассматриваемой проблемы материал получен в процессе зачистки тех ее частей, которые соответствуют месту входных проемов. На плане К. Шероцкого северная и южная апсиды сообщаются с западным поперечным нефом посредством проемов, которые имеют геометрически правильную форму, что как будто позволяет считать их первоначальными. Такой же формы проемы показаны и на плане-реконструкции И. М. Хозерова, но без западных апсид.

Нашими работами с полной определенностью установлено, что древних входных проемов напротив северной и южной апсид не было, а «следы дверных косяков», о которых упоминает К. Шероцкий³², — это не что иное, как проломы позднего происхождения. О том, что стена XI в. в этих местах была выбрана, свидетельствуют неровные выбоины и грубо сколотые плинфы по краях «проемов», а также отпечатки вывороченных из забутовки валунов в подошвенной части. Необходимо учесть и тот факт, что нижние края выбоины в том и другом случае находятся по отношению к фундаменту на высоте около 0,8 м, т. е. существующие проемы сделаны в наземной части стены много выше уровня древнего пола. Все это указывает на то, что в стене XI в. входных проемов для сообщения с какими-либо пристройками с запада предусмотрено не было. Тем самым древность западных апсид ставится под серьезное сомнение и этими фактами³³.

Если проломы напротив боковых апсид явно относятся к более позднему времени, то проем в центральной части западной стены носит совершенно иной характер. Прекрасно сохранились его торцовые части, цемяночная обмазка которых разграфлена под полосатую кладку. Ближе к наружной стороне обнаружены остатки «косяков»-прикладок для крепления дверных полотнищ. Ширина западного входного проема 2,42 м. Это немного больше, чем ширина южного (2,16 м) и северного (1,98 м) входов. По всем признакам западный проем относится к первоначальному строительному периоду, а его размеры свидетельствуют о том, что он задуман как главный вход в собор снаружи. Очевидно, что парадный портал XI в. и закрывающая его ныне апсида не могли быть задуманы и осуществлены в одно время.

Одним из доводов в пользу изначальности западных апсид было зафиксированное наличие в них древних строительных материалов. Археологическое изучение нижних частей показало, что фундамент апсид, имеющий в отличие от наземных стен полукруглую в плане форму, по материалу и системе

³¹ Совершенно отчетливо сохранила отпечаток древнего подобного столба поздняя кладка в северной части трансента.

³² Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 86.

³³ Боковые апсиды оказываются, таким образом, изолированными как от центральной апсиды, с которой они не сообщаются, так и от основного помещения собора. Это, несомненно, указывает на их более позднее, нежели основной объем, происхождение.

кладки отличается как от кладки вышележащей стены, так и от фундаментов XI в. Он сложен из чередующихся рядов плинфы и валунов, но почти вся плинфа колотая, хранящая на постелистой стороне остатки цемяночного раствора. Однако и колотая плинфа и валуны положены в кладку на известковом растворе без примеси кирпичной крошки. Не вызывает сомнения как вторичный характер использования древнего строительного материала, так и позднее происхождение связующего. Кроме того, важно иметь в виду, что наряду с колотой плинфой в кладке апсид встречается и брусковый кирпич толщиной до 6,5 см. Ясно, что поставленные на таком фундаменте стены также не имеют отношения к древнейшему периоду, а ранее отмеченное исследователями присутствие в них строительных материалов XI в. говорит лишь о том, что при возведении апсид в дело были пущены и материалы из разобранных руин собора XI в.

Существенным для решения проблемы является и характер сочетания кладки западных апсид с древней стеной. Как уже отмечалось, стена храма XI в. сохранилась сравнительно хорошо. Ее наружная сторона отделана тонкой цемяночной обмазкой, которая разграфлена под полосатую, имитирующую скрытый ряд, кладку. Следовательно, лицевая сторона западной стены, скрытая ныне в значительной части апсидами, отделялась в древности как фасад, рассчитанный на обозрение. Добавим к этому, что апсиды примыкают к древней стене. В местах стыковки совершенно отчетливо читается шов и хорошо видно, что кладка апсид приложена к стене, имеющей вышеописанную лицевую поверхность.

Приведенные факты достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что западные апсиды не имеют отношения к постройке XI в. Но последний и как будто решающий довод в пользу их позднего происхождения получен при раскопках снаружи, у юго-западного угла древнего собора. Здесь между угловой лопаткой западной стены и южной апсидой обнаружены остатки каменного сооружения, сохранившего фундамент и нижние части стен из плинфы на цемяночном растворе. Это — близкая в плане к квадрату постройка со столбом в центре. Ее южная стена примыкает к угловой лопатке, а северная, сохранившаяся лишь на уровне фундамента, — к предыдущей с севера древней лопатке. К той же лопатке своей южной стенкой примыкает и боковая апсида, поставленная, как выяснилось, на упомянутый домонгольский фундамент. Соотношение апсиды и остатков открытой пристройки весьма красноречиво указывает на невозможность их одновременного возникновения и существования. Апсида появилась на месте домонгольской пристройки к храму после разрушения последней.

Итак, западные апсиды Софийского собора не являются изначальными. Более того, полученные в результате наших работ данные не позволяют относить их сооружение к домонгольскому периоду истории храма, т. е. к XI–XIII вв. Они появились, надо полагать, при униатах, когда собор был переориентирован алтарем на север. Пристройка западных апсид была средством гармонизации объемно-пространственной композиции, ставшей благодаря им строго симметричной относительно оси север-юг. Как известно, в современном виде собор был выстроен в середине XVIII в. Но переориентация храма могла произойти и гораздо раньше, например при крупных

строительных работах начала XVII в.³⁴ Возможно, именно тогда вместе с северными пристройками к древнему храму появились и западные апсиды, возобновленные и при перестройке собора при Флориане Гребницком в середине XVIII в.³⁵

Впервые опубликовано: Древнерусское искусство: Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 59–63.

³⁴ Так считает польский исследователь С. Александрович. См.: *Aleksandrowicz S.* Op. cit. S. 26–29.

³⁵ Такая датировка согласуется с эволюцией фундаментных кладок, которую выявил О. А. Тусов. По его наблюдениям, фундаменты литовско-белорусских перестроек постепенно от чисто каменных эволюционируют к кирпичным. Сочетание в кладке камня и кирпича приходится на конец XVI – первую половину XVII в. Фундаменты под западными апсидами как раз и являются собой подобную кладку переходного периода. См.: *Тусов О. А.* Археологическое изучение памятников монументального зодчества XI–XVII вв. на территории Белоруссии. Автореферат диссертации... к. и. н. Л., 1981. С. 15.

ПОЛОЦКИЙ СОФИЙСКИЙ СОБОР В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Софийский собор в Полоцке — одна из древнейших построек отечественного зодчества. Летописи не сохранили даты его возведения, но архитектурные особенности здания позволяют с уверенностью рассматривать его в одном ряду с одноименными храмами Киева и Новгорода и датировать серединой XI в. Строительная история храма до середины XVIII в. крайне скупо отражена сохранившимися письменными источниками. Несмотря на многочисленные поновления, особенно серьезный характер носившие в XVII в., первоначальный архитектурный организм собора, хотя и с утратами, но дошел до XVIII в.

Между 1738 и 1750 гг. по инициативе и на средства униатского архиепископа Флориана Гребницкого Софийский собор был капитально перестроен. Храм был переориентирован главным алтарем на север и по существу выстроен заново в стиле того архитектурного направления, которое принято называть «виленским барокко». Автором проекта считается Ян Кшиштоф Глаубиц, а производителем работ Блажей Косинский¹.

В новый архитектурный ансамбль вошли построенные вслед за собором (к западу от него) корпуса мужского базилианского монастыря. «Оный монастырь состоит в каменном строении в три линии и о трех этажах; при оном каменная кафедральная церковь полоцких архиепископов во имя св. Софии; вокруг монастыря каменная стена, конюшни, мастерские, амбар и прочие строения»². К востоку от собора находились деревянные постройки женского базилианского монастыря. Таким ансамбль Софийского собора зафиксирован на планах Полоцка второй половины XVIII в.³ Комплекс западных корпусов, судя по планам, был связан переходом с собором⁴.

В начале XIX в. полоцкий архиепископ Ираклий Лисовский, несмотря на противодействие монахов базилианского монастыря, независимого в административном отношении от местного епархиального руководства, добился высочайшего указа (от 16 декабря 1806 г.), согласно которому «полоцкий Софийский монастырь был назначен местом епархиальной семинарии, соборного штата и консистории»⁵. В 1808 г. в семинарии числилось 52 воспитанника, 3 учителя

¹ Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 4 / Под ред. И. П. Шамякина и др. Минск, 1981. С. 76, 162, 456; Квитницкая Е. Д. Собор св. Софии в Полоцке // Проблемы истории архитектуры народов СССР. Вып. 3. М., 1976. С. 20–21.

² РГИА. Ф. 824. Оп. 1/1. Д. 23. Л. 12 об.

³ Там же. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 631; Ф. 1293. Оп. 166. Д. 35; Ф. 485. Оп. 1. Д. 241.

⁴ Остатки перехода обнаружены при раскопках в 1976 г.

⁵ РГИА. Ф. 824. Оп. 1/1. Д. 23. Л. 80, 99, 326 об.

и ректор⁶. Проект положения о семинарии из-за административных неувязок был осуществлен не сразу⁷. Неблагоприятную роль сыграло и разорение архиерейского дома французами в 1812 г., после которого архиепископ «основал пребывание свое в фольварке Судиловичи», где находились и нижние классы семинарии⁸. В 1821 г. министр духовных дел и народного просвещения князь А. Голицын предложил римско-католической духовной коллегии принять меры для полного выполнения высочайшего указа 1806 г.⁹ Духовная семинария находилась на Верхнем Замке до 1856 г., т. е. до перевода ее в Витебск¹⁰.

Во время событий 1812 г. Софийский собор если и пострадал, то незначительно. По крайней мере, на следующий день после освобождения Полоцка русскими войсками в соборе служили благодарственный молебен¹¹. С Софийским собором связано знаменательное событие в истории западнорусской церкви: 12 февраля 1839 г. здесь был оглашен акт о воссоединении униатской церкви с православной.

Во второй половине XIX – начале XX в. Софийский собор постепенно утрачивает свое первоначальное значение в церковной жизни города. Переводится в Витебск семинария, замирает жизнь на Верхнем Замке, который в средние века был цитаделью, а к началу XX в. превратился в заурядную окраину города. Еще в 70-е годы Полоцкая София утрачивает статус городского собора и приписывается к Никольскому кафедральному храму¹². В каменных и деревянных зданиях базилианского монастыря размещаются артиллерийские казармы.

Архивные материалы по собору свидетельствуют о разнообразных ремонтных работах, предпринимавшихся в XIX в.¹³ Характерно, что ни в процессе подготовки, ни в ходе осуществления ремонта не ставился вопрос об исследовании древних частей здания, хотя в архивных делах постоянно фигурируют сведения по ранней истории храма. Составители разного рода прошений, ходатайств, смет используют древность памятника как аргумент в пользу выделения из казны той или иной суммы на текущий ремонт¹⁴. 25 октября 1845 г. архиепископ Полоцкий и Витебский направил в Синод рапорт, в котором указывал на целый ряд неисправностей Софийского собора¹⁵. Из рапорта следует, что епархиальный архитектор

⁶ Там же. Л. 321–321 об.

⁷ Там же. Л. 288 об.

⁸ Там же. Л. 288 об., 299.

⁹ Витебские губернские ведомости. 1858. № 40. Неофициальная часть. С. 3.

¹⁰ Живописная Россия. Т. 3. Ч. 2. Белорусское Полесье. СПб.; М., 1882. С. 312.

¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 78. Д. 119. Л. 8–8 об.; *Зорин Н.* Минувшее и настоящее города Полоцка. Полоцк, 1910. С. 27–28.

¹² *Сементовский А. М.* Полоцкая Софийская церковь // Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. Витебск, 1878. С. 39.

¹³ Работы по ремонту собора и благоустройству монастырской территории предпринимались и во второй половине XVIII в. Так, в 1770 г. местные мастера под руководством могилевского архитектора Юзефа Ковшовича покрыли собор листовым железом. Смотрителем при этих работах был ризничий Сергий Жибурт. См.: *Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси*. Т. 10. Вильна, 1874. С. 347, 353, 356.

¹⁴ О том, что в состав собора середины XVIII в. вошли древние части, хорошо знали составители такого рода документов, о чем свидетельствует статья Ксенофонта Говорина об освящении Софийского собора в 1851 г. В ней, в частности, сообщается, что восточная стена древней церкви «вошла в состав настоящей, которую можно отличить по особенным древним кирпичам». (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 273. Л. 4, 6).

¹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 15. Д. 36708; Ф. 796. Оп. 126. Д. 1607.

составил проект и смету на исправление собора¹⁶. Проведение ремонта было признано необходимым¹⁷. Из сметы видно, «что... предполагается провести следующие работы: разломать ветхую железную крышу со стропилами со снятием крестов и деревянных связей и заменить оные новыми, сделать вместо сопревшего карниза новый кирпичный, разобрать кирпичный церковный пол и устроить деревянный, исправить по наружности выкрошившиеся части стен, построить новые закладные рамы и к оным двери и оконные переплеты, возобновить иконостас, исправить штукатурку и произвести некоторые малярные работы»¹⁸.

На 1847 г. были запланированы самые неотложные работы: исправление крыши и отделка фасадов. Контракт был заключен с могилевским купцом Кивово Гранатом¹⁹. В октябре 1848 г. архиепископ Василий просит Синод отпустить средства и на ремонт внутри собора²⁰, отмечая при этом, что «исправление сего собора по наружной части приводится к совершенному окончанию»²¹. В августе 1849 г. в рапорте архиепископа Василия сообщается о заключении контракта на работы внутри собора и на возобновление иконостаса с витебскими купцами М. Быховским и Ш. Розенфельдом²². Иконы для храма писал мещанин Смоленской губернии Г. Я. Свешников²³.

В рапорте строительного комитета в полоцкую Духовную консисторию от 7 августа 1850 г. сказано, что «работа идет к окончанию по подряду»²⁴. Среди произведенных работ значится настилка нового пола в ризнице, закладка дверных и оконных проемов, штукатурные работы и т.д.²⁵ По ходу дела подрядчик просил составить дополнительный акт на сверхконтрактную замену кирпичной облицовки стен снаружи, лепку и покраску внутри²⁶.

Особо следует отметить облицовку нижних частей стен, о чем строительный комитет докладывал консистории 31 декабря 1849 г. В рапорте сообщалось, что «при универлировании и утрамбовке тротуара вокруг собора во многих местах должно было снять весьма значительное количество земли, отчего в разных местах собора преимущественно же с северной стороны обнажились стены и фундамент собора, не оштукатуренные в один аршин высотой и делающие от сего неблаговидность зданию. Комитет о сем входил в соображение с архитектором и постановил просить разрешения на исправление и штукатурку стен собора у самого фундамента на счет суммы, вырученной за продажу с торгов старого листового железа из бывшей крыши собора»²⁷. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при современной оценке состояния нижних частей здания и культурного слоя вокруг собора²⁸.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 126. Д. 1607. Л. 1–1 об.

¹⁷ Там же. Л. 3, 4–4 об., 5.

¹⁸ Там же. Ф. 218. Оп. 4. Д. 1518. Л. 6–6 об.; см. также: Ф. 797. Оп. 22. Д. 41. О рассмотрении сметы на дополнительные работы по полоцкому Софийскому собору.

¹⁹ Там же. Ф. 796. Оп. 126. Д. 1607. Л. 16–16 об.

²⁰ Там же. Л. 18, 19.

²¹ Там же. Л. 18.

²² Далее в деле фигурирует лишь Розенфельд. См.: НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–4.

²³ Там же. Л. 7, 11, 22.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 12–13.

²⁶ Там же. Л. 3–4, 19.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Архитектурно-археологические исследования здания конца 1970-х гг. экспедицией кафедры истории искусства ЛГУ показали, что такого рода облицовочные работы носили чисто косметический характер и не ставили целью укрепить фундамент.

17 октября 1850 г. полоцкая Духовная консистория по рапорту строительного комитета констатировала, «что подрядчиком Розенфельдом все выполнено, кроме только рам и клиросов»²⁹. Мелкие отделочные работы продолжались до начала 60-х гг.³⁰ Освящение собора состоялось 28 октября 1851 г.³¹ Из описи Софийского собора, составленной через три года после освящения, следует, что подавляющее большинство икон и предметов церковного обихода в храме и его ризнице относились к позднему времени (XVIII–XIX вв.). Из наиболее древних можно выделить лишь колокол 1638 г. и евангелие московской печати 1657 г.³²

В 1865 г. протоиерей Софийского собора Андрей Юркевич обратился к витебскому губернатору с просьбой выделить 1200 р. на новый ремонт здания³³. Из прошения прихожан и причта в витебское церковно-строительное присутствие видно, что в 1869 г. была составлена смета, но работы еще не начинались и сумма на ремонт не отпущена³⁴.

Капитальную перестройку собора в XVII и середине XVIII в. можно рассматривать как факт конфессионального противоборства унии и православия, как стремление униатского духовенства к самоутверждению средствами архитектуры³⁵. С этим обстоятельством связана ориентация храма алтарем на север, его типологические и стилистические особенности. В 70-е гг. XIX в. со стороны православия была предпринята не очень энергичная, но весьма характерная попытка взять своего рода реванш. Возник проект перестроить Софийский собор в так называемом византийском стиле и тем самым вернуть культовому сооружению вид, приличествующий православному храму³⁶. С этой целью 17 декабря 1871 г. собор осмотрел архитектор Воскресенский и в рапорте витебскому церковно-строительному присутствию наметил перечень самых необходимых работ по капитальной перестройке здания. Главным препятствием на пути осуществления этой идеи оказалась, как и следовало ожидать, чрезмерная дороговизна проекта. На это указывает в рапорте витебскому губернатору от 23 декабря 1874 г. архитектор В. Покровский, резонно полагая, что проект во всех отношениях представляется совершенно неразумным³⁷.

В Софии, которая в это время уже значится приписанной к Никольскому кафедральному собору, было решено ограничиться ремонтными работами. Еще в определении от 30 января – 27 февраля 1870 г. Синод представил «полоцкому Епархиальному начальству войти в ближайшее обсуждение нужд Софийского собора» и постановил: «...буде скажется необходимым, оказать оному пособие из свободных сумм епархии»³⁸. Протоиерей Софийского собора в донесении Синоду жаловался «на крайнюю скудость доходов этого собора, не дающую возможности поддерживать надлежащее благолепие оного»³⁹.

²⁹ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

³⁰ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 10. Л. 1; РГИА. Ф. 796. Оп. 126. Л. 60; Ф. 797. п. 22. Д. 41.

³¹ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2917. Л. 24, 42; НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

³³ НИАБ. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1 об.

³⁴ Там же. Л. 12.

³⁵ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 273. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 18–20; НИАБ. Ф. 2503. Оп. 7. Д. 10. Л. 18–20; Д. 23. Л. 2 об.

³⁷ НИАБ. Д. 10. Л. 33.

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 773. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 1.

В ноябре 1876 г. на «ремонтные исправления» Софийского собора архитектором В. Покровским была составлена смета из 18 пунктов, утвержденная Витебским губернским церковно-строительным присутствием 21 апреля 1877 г. В описании работ предусмотрены «выломка испорченного кирпича в стенах, карнизах и сандриках», «отделка кирпичом наружного цоколя», исправление крыши, плотницкие и малярные работы⁴⁰. 23 октября 1878 г. члены комитета по ремонту здания совместно с епархиальным архитектором Клементьевым, осмотрев собор, пришли к выводу, что сметная сумма для капитального ремонта недостаточна. В частности, оказалось, что потребуется заменить испорченной кирпичной кладки не 58 кв. саженей, а гораздо больше⁴¹. Было решено употребить названную сумму только на самые необходимые работы «для приведения Софийского собора в более надлежащий вид и обеспечения его от окончательного разрушения»⁴².

Перечень повреждений, которые требуют безотлагательного исправления, приведен в записке иеромонаха полоцкого Богоявленского монастыря Филарета, поданной в комитет по исправлению здания. Отмечается, в частности, что внутри собора «в верхнем своде, поперек всего здания... образовалась вследствие течи трещина, которую необходимо заделать новым кирпичом с известью и покрыть штукатуркою»⁴³. Кроме того, отмечается бедственное состояние кровли, балок, полов и лестниц в двух колокольнях, осыпи штукатурки, разрушение наружного парадного крыльца и т. д.⁴⁴ На исправление всех повреждений, по Филарету, требуется 7835 р.

Подряд на ремонт собора взяли полоцкие мещане во главе с каменщиком А. Златкиным (А. Златкин, М. Стеклов, Е. Зарецкий, Л. Стеклов). Из текста контракта, заключенного 19 апреля 1879 г., следует, что М. Стеклов был столяром, а Е. Зарецкий маляром⁴⁵. В первую очередь были запланированы каменные и штукатурные работы⁴⁶. Кроме того, были предусмотрены плотницкие, кровельные и малярные работы⁴⁷. Контракт был заключен на сумму 4000 р. и предусматривал начало работ 1 мая, а окончание 1 сентября 1879 г.⁴⁸ Основные работы были проведены в 1879 г. «Главные работы подрядчиком Златкиным проведены правильно, прочно, с употреблением материала должного качества, кроме некоторых незначительных по окраске здания»⁴⁹. Впоследствии между заказчиком и подрядчиком возник конфликт. Златкин считал, что он недополучил от комитета за произведенные работы. Комитет же полагал, что Златкин не выполнил в полной мере условий контракта⁵⁰.

Незадолго до Первой мировой войны собор был снова отремонтирован. Подготовка и проведение работ отмечены целым рядом особенностей, пока-

⁴⁰ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 15.

⁴¹ Там же. Л. 61.

⁴² Там же. Л. 61–61 об.

⁴³ Там же. Л. 39–39 об.

⁴⁴ Там же. Л. 39–41.

⁴⁵ Там же. Л. 23–24.

⁴⁶ Там же. Л. 24.

⁴⁷ Там же. Л. 24–24 об.

⁴⁸ Там же. Л. 25.

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Л. 85–88.

зывающих, что в общественном сознании произошли важные изменения по отношению к древней архитектуре. Показательно, что уже в представлении Синоду с просьбой оказать содействие в отпуске необходимой суммы на ремонт епископ Серафим именуется Софийский собор «памятником», подчеркивает его историческую значимость для белорусского края⁵¹. Нет сомнения в том, что весьма широкая и успешная практика реставрационных работ конца XIX – начала XX в. сыграла свою положительную роль в выработке нового отношения к памятникам архитектуры.

Ремонт проводился под контролем Императорской Археологической комиссии. Наряду с обычными исправлениями «ветхостей» ставились цели исследовательского характера. В работах принимали участие крупнейшие специалисты по реставрации памятников древнерусского зодчества В. В. Суслов и П. П. Покрышкин. По рекомендации последнего в Полоцк для наблюдения за работами прибыл И. П. Суханов⁵². Из документов следует, что велась фотофиксация работ: Н. Т. Миронов представил строительному комитету счет за 18 снимков фундаментов, стен, иконостасов, фресок и т. д.⁵³ О ходе реставрации собора писала столичная и местная пресса⁵⁴.

Перечень необходимых работ был составлен епархиальным архитектором после осмотра здания 12 августа 1907 г.⁵⁵ В нем перечислены повреждения крыши, цоколя, карнизов, полов и т. д., подлежащие исправлению. 19 июля 1908 г. от удара молнии «здание Софийского собора еще более пострадало, преимущественно верхняя часть колокольни»⁵⁶.

В июне 1909 г. на основании заключения изучившего дела П. П. Покрышкина Императорская Археологическая комиссия разрешила ремонт, но выдвинула при этом ряд непеременимых условий, в которых намечена целая программа исследования⁵⁷.

Как видно из заключения П. П. Покрышкина, при производстве ремонта требовалось уделить первостепенное внимание древним частям здания, возможность открытия которых указана с профессиональной точностью⁵⁸. Это позволило в ходе ремонта получить важные в научном отношении результаты⁵⁹.

В определении Синода от 7 июля 1910 г. сумма на ремонт храма утверждена в размере 17 800 р.⁶⁰ Этой суммы для производства работ было заведомо мало. Поэтому строительный комитет в специальных воззваниях обращался к

⁵¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 157. Л. 1–1 об.

⁵² НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 19. Л. 143–143 об.

⁵³ Там же. Л. 166 об.; Д. 18. Л. 49.

⁵⁴ Старые годы. СПб., 1909. Июль – сентябрь. С. 488; 1912. Июль – сентябрь. С. 148; Светильник. СПб., 1913. № 3. С. 30–31; *Кайгородов Н.* Полоцк и его церковно-исторические древности. Очерк 1. Полоцкий древний храм Софии Премудрости Божией // Светильник. 1914. № 2.

⁵⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 157. Л. 1, 2.

⁵⁶ Там же. Л. 4.

⁵⁷ Там же. Л. 10–10 об.

⁵⁸ О древних стенах, частично вошедших в состав собора середины XVIII в. было известно писавшим о храме в XIX в., хотя эти сведения и не отличались полнотой и точностью. См.: *Павлов А. М.* Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX археологического съезда в Вильне. Т. 1. М., 1895. С. 8–11.

⁵⁹ Итоги изучения собора частично опубликованы в статье: *Шероцкий К. В.* Софийский собор в Полоцке // Дмитрию Власьевичу Айналову от учеников к двадцатипятилетию его ученой деятельности. Пг., 1915. С. 77–90.

⁶⁰ РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 157. Л. 22, 27; НИАБ. Ф. 2763. Оп. 26. Д. 17. Л. 122.

добровольным жертвователям с призывом о посильной помощи⁶¹. Работы предполагалось закончить к 1 октября 1912 г.⁶²

Большую заинтересованность в реставрационных работах проявил известный знаток полоцких древностей Н. Н. Кайгородов, живший тогда в Петербурге. В письмах А. А. Петровскому, почетному гражданину города, и Н. Г. Щербинскому, председателю строительного комитета, он с энтузиазмом составляет планы будущих исследований здания и прежде всего его древнейших частей⁶³.

Н. Н. Кайгородов упорно проводил мысль о необходимости в ходе ремонта вести исследование древнего собора, призывал «запечатлеть фотографическими снимками, рисунками и планами его древние остатки»⁶⁴. В одном из писем предлагается своего рода консервация древних частей. Для этого Н. Н. Кайгородов предлагал «устроить на фундаментах и стенах древнего храма, сохранившихся в подпольи, нижний храм теплый... или так называемую „крипту» и в том православном направлении, как это было в древности с алтарем на Восток...»⁶⁵. В письме от 14 апреля 1911 г. он пишет, что необходимо «по снятии деревянного пола основательно исследовать подполье», а также стенную штукатурку, под которой может быть древняя живопись⁶⁶. Для этих целей он предлагает предусмотреть в смете 800–1000 р.

23 октября 1911 г. был заключен предварительный договор с подрядчиком, яновичским мещанином В. Е. Крестовским⁶⁷, но утверждение договора Синодом состоялось лишь 1 июня 1912 г. В этой связи часть работ была перенесена на 1913 г.⁶⁸ Реставрация и промывка икон была поручена художнику церковной живописи П. А. Зыкову⁶⁹. Работы велись весьма интенсивно под надзором строительного комитета. В прессе отмечалось, что «все делается прочно и основательно. Новая кладка и вставка кирпича вместо старого, делается на цементе, а штукатурка производится известью в смеси с цементом и без алебаstra, что, как говорят, очень практично. Будем надеяться, что ремонт будет исполнен вполне хорошо, ибо в комитете по ремонту собора, кроме других членов, отдающих всю душу этому делу, принимают участие два инженера: Г. Г. Потоцкий и Бах и ремонт производится по их указаниям»⁷⁰.

Строительный комитет в акте от 30 января 1913 г. отметил: «...ход работ в сезоне 1912 г. показал, что отпущенных сметой 30 тысяч штук кирпича для окончания всей работы не хватит, и еще необходимо дополнительно минимум 20 тысяч, т. к. работ выполнено наполовину, а кирпича употреблено 24 600 штук... Так как в подполье имеются интересные в археологическом отношении древние декоративные стенописи и часть старого храма, относимого к XII веку, то для осмотра этих древностей желательно было бы устроить в полу люк и деревян-

⁶¹ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 26. Д. 17. Л. 122, 141, 209.

⁶² РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 157. Л. 58 об.

⁶³ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 17. Л. 24 об., 25, 29 об.

⁶⁴ Там же. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Л. 103–103 об.

⁶⁶ Там же. Л. 32.

⁶⁷ Там же. Л. 70, 185–190, 221–222.

⁶⁸ Там же. Л. 22–23; РГИА. Ф. 799. Оп. 26. Д. 157. Л. 58 об., 60–61.

⁶⁹ Там же. Л. 109–119.

⁷⁰ Постановка крестов на полоцком Софийском соборе // Витебский вестник. Витебск, 1912. 25 авг.

ную лестницу...»⁷¹. На производство будущих работ потребовалось составить дополнительную смету на сумму более 15,5 тыс. р., которая была представлена в Синод 14 марта 1913 г.⁷²

В мае 1913 г. собор осматривал В. В. Суслов. В акте осмотра от 10 мая 1913 г. перечислены основные работы, которые необходимо произвести⁷³. Среди них названа облицовка нижних частей стен, укрепление сводов, раскрытие древних наружных ниш, устройство люка в полу для осмотра первоначальных стен и столбов, описание, обмер и фотографирование открытых частей старого собора. На заседании комитета 6 июня 1913 г. специально рассматривался вопрос «о ремонте фундамента древней кладки вокруг всего собора», причем отмечена его крайняя ветхость⁷⁴. Было решено «все выпревшие и ветхие места стен перебрать и где нужно перелицевать железняком на цементном растворе или же составить смету на ремонт фундамента бетоном»⁷⁵. На одном из последующих заседаний решено облицовку фундамента выполнить из кирпича⁷⁶.

П. П. Покрышкин в письме председателю строительного комитета Н. Г. Щербинскому предлагал: «Ввиду важности этого памятника русской архитектуры великокняжеской эпохи, необходимо иметь на месте, для наблюдения за работами, знающего человека, ибо совершенно необходимо вести точные измерения, чертежи не только остатков стен и фундаментов, но и разрезов земли и погребений. Без опытного глаза многое для науки будет потеряно»⁷⁷. Присутствие опытного специалиста действительно было необходимо. Н. Г. Щербинский техническими познаниями не обладал, часто принимал необоснованные решения. Десятник в рапорте строительному комитету сообщал, что фундаменты в продолжение месяца стоят открытыми и мокнут⁷⁸. По рекомендации П. П. Покрышкина, для наблюдения за ремонтом на июль – август 1913 г. Археологическая комиссия направляет в Полоцк инженер-архитектора И. П. Суханова⁷⁹. В работах 1913 г. принимал непосредственное участие и сам П. П. Покрышкин. «Витебский вестник» 25 июля 1913 г. сообщил, что «с 19 июня начаты археологом П. П. Покрышкиным раскопки. Перпендикулярно к стене собора, с целью исследования фундамента древней церкви, вырыта первая траншея длиной около 3,5 сажений».

Местная газета информировала читателей об открытии древних кладок. В заметке сообщается о том, что с юго-восточной стороны обнаружен склеп, который «проходит через толщу фундамента». Упоминается о множестве костей, которые «лежат как-то боком». Склеп, считает автор, служил сплошным местом погребения. П. П. Покрышкин, аргументируя датировку ссылкой на особенности строительных материалов и кладки, относит склеп к XII в. В статье упоминается также какая-то кладка «в конце склепа», «углубление в 3 сажени, которое произошло от сгнившего бревна» у восточной стены, орнаментальные фрески, обнаруженные под полом⁸⁰.

⁷¹ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 19. Л. 7, 9–9 об.

⁷² Там же. Д. 17. Л. 40, 42–42 об.

⁷³ Там же. Д. 19. Л. 44–46.

⁷⁴ Там же. Л. 54.

⁷⁵ Там же. Л. 52.

⁷⁶ Там же. Л. 54.

⁷⁷ Там же. Л. 143–143 об.

⁷⁸ Там же. Л. 225.

⁷⁹ Там же. Л. 145; Д. 18. Л. 55–56.

⁸⁰ Невельский Б. Старый Полоцк (находка при Софийском соборе) // Копейка. 1913. 15 авг.

26 июля 1913 г. «Витебский вестник» сообщил о находке «в алтаре, обращенном на запад»⁸¹, остатков стенной росписи: «Сохранилась древняя росписная штукатурка лишь на местах внутренних стен между колоннами. Во всем рисунке преобладают зеленые и фиолетовые тона. Фрески же отличаются пестротой своих красок. В одном месте явно обрисовывается нарисованный наличник вокруг бывшего в древней кладке окна, наверху же арки этого окна нарисована ступня и видны части складки, покрывающие ногу святого. К великому сожалению, дальше нога и одежда сбиты... Теперь вспомним, что совсем в другом месте храма, где была в стене сквозная трещина, на стене видели очень небольшой кусочек старой штукатурки на древней кладке, сверху окрашенной в такой же зеленый цвет... Этот окрашенный кусочек дает повод теперь предполагать, что все стены древнего храма были расписаны и что вполне возможно, что под нынешней штукатуркой похоронена штукатурка великокняжеской эпохи, вся расписанная. Оставшиеся фрески на колоннах и остатках стен в подполье, а также на чердаке под крышей дают возможность предполагать ценность этой находки. Во многих местах в подполье фрески страшно разрушаются, и их необходимо немедленно предохранить от окончательной гибели. В подполье около одной стены в куче мусора много остатков фресок, они также могут для археолога представить большую ценность, но могут и погибнуть»⁸².

Иконы Софийского собора 22 августа 1913 г. осмотрел Е. И. Брагин, отметивший, что большинство из них уже испорчено неумелой реставрацией. Брагин поначалу был готов взяться за расчистку древних фресок в восточной апсиде, но потом отказался. Впоследствии реставрацией и промывкой икон занимался Г. И. Чириков⁸³.

В акте от 30 сентября 1913 г. констатируется, что «все работы произведены с надлежащей прочностью и употреблением материалов должного качества. Не сделаны подрядчиком, согласно договору, только две работы: лестницы на колокольни и не окрашен пол в церкви»⁸⁴.

Подробно рассказано о результатах исследовательских работ в статье В. Викентьева, помещенной в «Витебском вестнике». Автор особо отмечает облицовку нижних частей стен. Униаты, пишет В. Викентьев, делая облицовку, не подвели под нее фундамента, поэтому в некоторых местах стена буквально висела в воздухе. Ремонт, по мнению автора статьи, сделан обстоятельно. Упоминается об обмере древних кладок и составлении плана собора. Впервые, кажется, со ссылкой на П. П. Покрышкина постройка храма относится к XI в. Это «установлено Покрышкиным на основании тщательного исследования способа кладки и производства материала. Кирпич тонкий, почти квадратный с примесью кварца, что служит признаком кирпича XI в., тогда как в XII в., хотя формы и размеры кирпича оставались те же, но кирпич не содержит уже в себе кварца. Способ кладки тоже весьма характерен: кладка из кирпича чередуется с кладкой из булыжного камня, известковый раствор содержит битый кирпич,

⁸¹ Явная ошибка. Речь в заметке идет о центральной восточной апсиде.

⁸² Редкая археологическая находка // Витебский вестник. 1913. 26 июля.

⁸³ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 19. Л. 263, 379, 391, 399, 403.

⁸⁴ Всего к 30 сентября 1913 г. было произведено работ на сумму 16 949 р. 14 к. НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 17. Л. 68; Д. 19. Л. 270 (Заметка Кия в «Витебском вестнике» 5 октября 1913 г.), 314 (одобрительный отзыв П. П. Покрышкина о качестве ремонтных работ в соборе — публикация в газете «Копейка»).

причем четные ряды кирпичной кладки не доходят до поверхности стен, а прикрыты известковым раствором с примесью кирпичного порошка... Продолжая дальнейшее исследование, было найдено, что восточная сторона апсиды (алтарной части), входящая в стены существующего храма, целиком сохранилась с XI в. от фундамента до карниза, а также и часть западной стены... Стены древней Софии были связаны деревянными балками, после которых остались пустые гнезда... Внутренняя роспись храма была фресковая, образчик которой сохранился в оставшемся пилоне, под полом, современного собора, а также фресковая роспись обнаружена и в восточной алтарной апсиде. В подвальном помещении храма, под древним дьяконником, обнаружен склеп, перекрытый цилиндрическим сводом на древнем основании...»⁸⁵.

Синод разрешил провести дополнительные работы по капитальному ремонту собора, отпустив для этой цели 9 468 р. 90 к. В 1914 г. работы были продолжены. Актом от 14 октября 1914 г. все работы по ремонту здания были приняты⁸⁶. 17 октября 1914 г. полоцкий Софийский собор был торжественно освящен⁸⁷.

Уже в 1915 г. материал, полученный при изучении древнего храма, был положен в основу публикации К. В. Шероцкого⁸⁸, который впервые попытался рассмотреть Софийский собор в контексте древнерусского и западноевропейского зодчества⁸⁹.

К первоначальным частям здания, известным еще в XIX в., К. В. Шероцкий добавил те, что были выявлены при ремонте: «основания древнего храма, а также западные и восточные стены его»⁹⁰. Все первоначальные части собора зафиксированы на опубликованном плане. Главная его особенность — западные апсиды, отнесенные исследователем к XI в. «Вся эта часть, — утверждает К. В. Шероцкий, — древняя. Почти до самого верха она сложена из булыжника и розовых кирпичей на известковом растворе с кирпичным щебнем»⁹¹. Отнесение западных апсид к первоначальному строительному периоду имело важнейшие последствия для последующего изучения храма. Проблема западных апсид оказалась актуальной не только в связи с реконструкцией здания XI в. Если бы принадлежность апсид изначальному замыслу подтвердилась, то появились бы важные основания для вывода о романском влиянии на древнерусскую архитектуру периода ее становления.

Отнеся западные апсиды к первоначальному строительному замыслу, К. В. Шероцкий констатировал, что это основная особенность полоцкого собора,

⁸⁵ Викентьев В. Полоцк. К ремонту Софийского собора // Витебский вестник. 1913. Октябрь; НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 19. Л. 300, 320.

⁸⁶ НИАБ. Ф. 2763. Оп. 1. Д. 19. Л. 331–346, 425–427, 445, 576.

⁸⁷ Там же. Л. 572. «Итак, завершено великое дело восстановления русской святыни». — См.: Витебский вестник. 1914. 19 окт.

⁸⁸ Константин Витальевич Шероцкий приезжал в Полоцк осенью 1913 г. 4 сентября 1913 г. П. П. Покрышкин сообщил открыткой Н. Г. Щербинскому, что для наблюдения за земляными работами в усадьбе кадетского корпуса в Полоцк едет археолог К. В. Шероцкий (в открытке ошибка — «Щароцкий». — В. Б.).

⁸⁹ Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 77–90.

⁹⁰ Там же. С. 79.

⁹¹ Там же. С. 80. Наши исследования середины 70-х годов показали, что западные апсиды позднего происхождения. См.: Булкин В. А. Софийский собор в Полоцке (к вопросу о западных апсидах) // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988.

«сближающая его с многими храмами католического Запада»⁹². Поскольку из-за разобщенности между собой апсиды не могли служить алтарем, исследователь полагал, что они были предназначены «для хранения какой-либо святыни, как это делалось в западных храмах». В качестве аналогов из романского зодчества К. В. Шероцкий указывал на соборы в Вормсе и Бамберге⁹³.

«Романская версия» не ставила, по мнению К. В. Шероцкого, под сомнение типологическую принадлежность Софии Полоцкой к древнерусскому зодчеству. В статье подчеркивается близость полоцкой Софии с храмами Киева, Чернигова и Новгорода. Исходя из этого, ставится и решается другой важный для понимания памятника вопрос о его датировке. Строительство собора связывается с именем князя Всеслава и относится ко второй половине XI в.⁹⁴

Статья К. В. Шероцкого сыграла важную роль в изучении Софийского собора. Памятник по существу впервые был поставлен в реальный историко-архитектурный ряд. Опубликованный в статье план надолго вошел в качестве основного исходного документа для суждения о соборе.

К. В. Шероцкий приехал в Полоцк уже после завершения основных работ в Софии. Может быть поэтому в статье не так уже много конкретного материала по памятнику, практически отсутствует аргументация в пользу того или иного наблюдения архитектурно-археологического характера (это прежде всего касается вопроса о первоначальности западных апсид). П. П. Покрышкин, В. В. Суслов, И. П. Суханов своих суждений по историко-архитектурным проблемам Софии Полоцкой не оставили. В результате уникальная возможность для разъяснения многих вопросов, касающихся памятника, была использована далеко не лучшим образом⁹⁵.

Впервые опубликовано: Вестник Ленинградского университета. Серия: История, языкознание, литература. Вып. 1. Л., 1991. С. 3–18.

⁹² Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке. С. 85.

⁹³ Там же. С. 86.

⁹⁴ Там же. С. 88–90.

⁹⁵ Автор выражает признательность Т. Л. Долгой (Ленинград, ЦГИА СССР) и Л. В. Трепет (Минск, реставрационные мастерские) за помощь в работе над архивными материалами.

К ОБОСНОВАНИЮ ДАТИРОВКИ СОФИЙСКОГО СОБОРА В ПОЛОЦКЕ

Ранние летописные своды не содержат даты постройки Софийского собора в Полоцке, поздние белорусско-литовские летописи дают заведомо неприемлемую версию основания храма. Захват князем Всеславом колоколов в Новгороде (1066) косвенно указывает на возможное существование к этому времени полоцкого собора. «Слово о полку Игореве» и житие Евфросиньи содержат упоминания о Софии Полоцкой, которые, несмотря на свой более поздний характер, должны быть приняты во внимание, как факты, свидетельствующие о существовании собора во второй половине XI – начале XII в. Из этих сообщений не следует, был храм деревянным или каменным.

Часто приводимая датировка 1044–1066 гг. исходит из общей посылки о сооружении храма при Всеславе (1044 г. — начало его княжения, 1066 г. — упоминание о захвате колоколов в Новгороде). В целом эта датировка не вызывает возражений, но следует отметить, что ее обоснование базируется прежде всего на соображениях общен исторического а не архитектурного порядка.

Выявленные в процессе археологического исследования древние части здания дали возможность реконструировать его первоначальный план, принципиальные особенности которого позволяют с большими основаниями, чем прежде, рассматривать Софию Полоцкую в тесной взаимосвязи с одноименными храмами Киева и Новгорода. Софийские соборы составляют единую типологическую группу зданий, близких по архитектурному замыслу, церковной и градостроительной функции и, надо полагать, по времени сооружения.

Важно при этом исходить и из общерусской архитектурно-строительной ситуации первой половины – середины XI в., которая может быть представлена как единый строительный цикл, последовательно осуществлявшийся в Чернигове, Киеве, Новгороде и Полоцке. Строительство, как нам представляется, велось без перерыва с начала 30-х гг. Основная группа строителей по завершении работ переходила из одного города в другой. Годы 1037, 1045, 1050 являются опорными датами, характеризующими путь строительной артели и динамику архитектурно-строительного цикла.

Логика представленного таким образом строительного цикла заставляет сделать вывод о том, что после окончания работ по Софийскому собору в Новгороде (1050 г.) зодчие получили возможность перейти в Полоцк и приступить к сооружению третьего Софийского храма. Если это так, то датировать полоцкий собор следует первой половиной – серединой 50-х гг. XI в.

Предполагать более раннюю датировку, т. е. до начала 30-х гг., нет оснований прежде всего потому, что плановые и объемно-пространственные особенности самых ранних древнерусских храмов — Десятинной церкви и Спасо-Преображенского собора в Чернигове — свидетельствуют о другой, «дософийской» архитектурной традиции.

Впервые опубликовано: Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 31–32.

О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ

Зодчество второй половины XI – начала XII в. развивалось под знаком значительно большего, чем в предшествующий период, типологического разнообразия. Другой стороной этого процесса была тенденция к стилизации архитектурного типа храма¹, полностью оформившаяся в первой половине XII в. Княжеский заказ по-прежнему преобладает в каменном строительстве, но одновременно с большей отчетливостью, в этой сфере обнаруживает себя и другая социальная группа – духовенство. Общественное положение заказчика вполне определенно отражается на типологии возводимых храмов. Неповторимым своеобразием выделяются храмы, строившиеся по заказу высших церковных иерархов².

Общезвестна роль, которую сыграла для выработки своего рода канона соборного храма Успенская церковь Киево-Печерского монастыря, возведенная по инициативе игуменов Феодосия и Стефана артелью византийских мастеров. Художественная выразительность здания, ясность и чеканная цельность композиции надолго закрепили за ним статус образцового сооружения, которому сознательно следовали в дальнейшем. Найденное в соборе объемно-пространственное решение, вероятно, соответствовало тем задачам, которые ставились перед архитектурой новыми историческими условиями.

Если собор Киево-Печерского монастыря находится у истоков целого направления в зодчестве домонгольского времени, то церковь Богородицы в Кловском монастыре, завершенная в 1108 г., осталась в истории древнерусского зодчества явлением уникальным. По реконструкции Г. Н. Логвина, это был пятинефный храм с галереями, его огромный купол несли 8 столбов. Своеобразие композиционного и конструктивного решения связано несомненно с ориентацией его заказчика игумена Стефана на византийский образец.

С деятельностью митрополита Ефрема связано строительство Михайло-Архангельского собора в Переяславле. Как и собор Кловского монастыря, храм Михаила Архангела – постройка уникальная в истории древнерусского зодчества. Происхождение необычной планировочной и объемно-пространственной структуры здания, как полагают исследователи, следует искать за пределами складывающейся древнерусской архитектурной традиции³. Та же строительная артель возводит в Переяславле еще несколько

¹ Комен А. И. Древнерусское зодчество XI – начала XII в. М., 1987. С. 317.

² Булкин В. А. Социальный заказ и церковное строительство на Руси // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 3. Л., 1986. С. 28–31.

³ Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила Архангела в Переяславле // Зограф. № 10. Белград, 1979. С. 30–39.

церквей, значительно меньших по размеру, чем Михайловский собор, но также чрезвычайно своеобразных в плане. С уверенностью можно считать, что особенности переяславских храмов были предопределены грекофильскими вкусами заказчика — митрополита Ефрема.

Индивидуальное своеобразие храмов, возведенных в это же время по княжескому заказу, носит иной характер, обнаруживая явное тяготение к типологическому и стилистическому единообразию, связанному, надо полагать, с ориентацией на образцы одного архитектурного ряда. Культурный кругозор, который во многом предопределял возможности заказчика в выборе образца, у представителей духовенства, судя по результатам строительства во второй половине XI в., был более широким, чем у князей, ориентировавшихся главным образом на постройки, уже существовавшие в древнерусских городах. Заказчики же из среды духовенства демонстрируют хорошее знание архитектурных образцов византийского зодчества, до той поры неизвестных на Руси. В этих постройках было больше своеобразия, но оно часто не получало продолжения в последующем строительстве. Княжеский заказ вариациями одной архитектурной темы, больше отвечающей местным потребностям, определял магистральное направления развития зодчества. Можно предполагать существование и таких построек, в которых обе эти линии сочетаются и образуют своего рода архитектурный сплав княжеского и церковного заказа, устойчивых черт византийского и складывающихся особенностей древнерусского художественного мышления.

Из сохранившихся памятников рассматриваемого периода особняком стоит церковь Спаса на Берестове. Оригинальность архитектурного решения сближает храм с постройками, возведенными по церковному заказу, вместе с тем структура основного объема в целом тяготеет к решениям, известным по княжескому строительству. Постройку каменного храма обычно связывают с именем Владимира Мономаха, а основание монастыря с игуменом Германом, поскольку в летописи монастырь именуется «Германечь». В контексте архитектуры начала XII в. храм выглядит исключением из основной линии развития, а его формы не получают прямого продолжения в зодчестве первой половины XII в. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к проблеме датировки храма, в зависимости от которой находится не только место Спасской церкви в архитектурном процессе второй половины XI — начала XII в., но, в известной мере, понимание динамики и смысла самого процесса развития зодчества в этот период.

Датировка храма временем Мономаха сложилась не сразу. В XIX в. многие исследователи видели в нем постройку конца X — начала XI в. Основываясь на косвенных исторических датах, П. А. Лошкарев предложил датировать храм началом XII в. и даже более узко — связать его строительство с именем Мономаха. Главный аргумент — захоронение в Спасском храме потомков Владимира Мономаха: в 1135 г. — его дочери Евфимии, в 1158 г. — сына, Юрия Долгорукого, а в 1173 г. — князя Глеба, внука Мономаха.

М. К. Каргер, приняв эту датировку, стремился утвердить аргументацию в ее пользу, заострив внимание на необычной кладке здания — из плинфы с утопленным рядом без прокладок из камня. Чисто плинфяную технику исследователь рассматривал как переходную от «opus mixtum», характерной для XI — начала XII в., к равнослойной, порядовой кладке, ставшей правилом в

киевской архитектуре с 30-х гг. XII в.⁴ Именно благодаря этому аргументу храм уверенно датируется началом XII в. и рассматривается обычно как завершающее звено в развитии киевского зодчества второй половины XI — начала XII в. и как памятник, предвещающий новации 30–40-х гг. Как это нередко случается, первоначальное предположение о датировке храма обрело статус факта или почти факта. Между тем, при более внимательном подходе датировка началом XII в. выглядит далеко не такой бесспорной, как это кажется. Основные аргументы в ее пользу нельзя признать достаточными.

О захоронениях в храме потомков Мономаха. Спас на Берестове не был единственной усыпальницей для семьи Мономаха. В Янчине монастыре в 1139 г. похоронен Ярополк Владимирович, сын Владимира Мономаха, а в 1171 г. — внук, Владимир Андреевич. В Софийском соборе в 1154 г. похоронили сына Мономаха Вячеслава Владимировича. Сам Владимир Всеволодович был похоронен не на Берестове, а в Софийском соборе. А его сына, великого князя Мстислава, в 1132 г. положили в соборе Федоровского монастыря, им основанного в качестве «вотчего».

Спасский монастырь нигде в письменных источниках не именуется «вотчим», а это важная мотивировка захоронения, постоянно присутствующая, например, в сообщениях о погребении в Федоровском монастыре. Даже допуская неслучайный характер захоронений в Спасском храме родственников Мономаха, вовсе необязательно связывать строительство самого храма с Владимиром Всеволодовичем. Исходя из тех же данных, строителем храма можно считать, скажем, отца Мономаха, князя Всеволода. И при таком предположении статус храма-усыпальницы остается тем же, фамильным. Наконец, мотивировка захоронений может и не быть связанной с «вотчим» характером монастыря. Захоронение в том или ином храме могла происходить по завещанию, быть исполнением последней воли умершего.

Таким образом, этот ряд фактов, приводимых письменными источниками, недостаточен для решения вопроса о дате возведения храма. Письменные источники позволяют наметить датировку в очень широком диапазоне — 1072 г., когда монастырь впервые упомянут, и до конца 30-х гг. XII в., когда в нем была похоронена дочь Владимира Мономаха, Евфимия. Для уточнения датировки необходима корректировка исходя из архитектурных особенностей здания. Такая попытка и была предпринята М. К. Каргером, считавшим, что система кладки из плинфы с утопленным рядом служит аргументом в пользу принадлежности храма рубежу XI и XII вв. и позволяет видеть в нем явление переходное к архитектуре 30–40-х гг. XII в.

Однако и система кладки не является окончательным доводом в пользу такой датировки храма. Система кладки со скрытым рядом существовала в составе «opus mixtum» на протяжении всего XI в. Ее выделение и обретение самостоятельного статуса — это вопрос, связанный с финансовыми и техническими возможностями производства плинфы. Употребление в кладке камня уменьшало расход плинфы и удешевляло строительство. Появление чисто кирпичной кладки стимулировалось хорошо налаженным производством плинфы и сокращением расхода строительного материала, связанного с уменьшением

⁴ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961. С. 391.

размера возводимых во второй половине XI в. зданий. Преобладание в кладке плинфы наблюдается уже в наружных галереях Софии Киевской. Не доказано наличие камня в стенах Десятинной церкви. Следует принять во внимание и аргументацию Н. В. Холостенко в пользу появления порядовой кладки из плинфы уже в конце XI в. Все это не позволяет признать систему кладки убедительным аргументом в пользу датировки храма Спаса на Берестове началом XII в. и переходного характера его архитектуры.

В архитектуре Спасского храма имеется целый ряд особенностей, которые выделяют его из киевского архитектурного ряда второй половины XI – начала XII в. Это решение западной части с крещальней и башней, выступающими за линию боковых стен, притворы, перекрытые необычным для этого времени трехлопастным сводом, высота хор, купольные своды в перекрытии боковых частей под хорами и др. Не исключено, что при трехлопастном завершении фасадов композиция храма носила ярко выраженный башнеобразный характер. В сочетании своеобразных черт здания просматривается особая свобода, далекая от какого-либо намека на стабилизацию архитектурной системы. Это особенно заметно при сравнении Спасского храма с собором Михайловского Златоверхого монастыря, построенного почти одновременно с ним, если придерживаться традиционной датировки. Тип храма с закомарным завершением получил в Михайловском соборе максимально цельное, компактное выражение⁵, свидетельствующее о стабилизации архитектурной системы и превращении ее в своего рода канон, что подтверждается ходом последующего развития киевского зодчества. Об этом наглядно свидетельствуют киевские церкви Богородицы Пирогощей, Кирилловская, черниговский храм Бориса и Глеба, возведенные в 20–40-х гг. XII в. Берестовский храм никак не вписывается в этот контекст. В нем получил выражение не результат историко-архитектурного процесса, а всего лишь один из этапов его формирования. Более того – начальный этап. Приведенные выше аргументы позволяют, как представляется, традиционную датировку памятника XII в. поставить под сомнение.

Обратимся к фактам, которые могут способствовать положительному ответу на поставленный вопрос. В истории киевского зодчества рассматриваемого периода есть памятник, который не привлекает особого внимания историков. Это собор Дмитриевского монастыря, известный по результатам археологических исследований XIX–XX вв. и плану, найденному и опубликованному Ю. С. Асеевым⁶. Датируется храм 60-ми годами XI в.⁷

Принципиально важно решение западной части постройки. С северо-запада и юго-запада, выступая за боковые стены собора, к нему примыкали пристройки, которые местоположением и соотношением с основным объемом напоминают Спас на Берестове. Речь идет, конечно, о сходстве, а не о совпадении решений плана. С южной стороны фиксируются остатки пристройки, вероятно, южного притвора. Не исключено, что такой же притвор был и с северной стороны. И это сближает Дмитриевский собор с церковью на Берестове. Усложненное решение западной части не встречается в последующих памятниках киевского зодчества.

⁵ Комен А. И. Древнерусское зодчество XI – начала XII в. С. 275–280.

⁶ Асеев Ю. С. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // СА. 1964. № 3. С. 291–296; Ратнонорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 17, 120.

⁷ Каргер М. К. Древний Киев. С. 282.

Лишь в соборе Выдубицкого монастыря (1071–1088 гг.) можно видеть угасающий отзвук такого решения.

Композиция западной части здания может рассматриваться как указание на стремление зодчего объединить башню и крещальню с основным объемом при отсутствии галерей, рудиментами которых и в Спасском и в Дмитриевском соборах можно считать притворы.

Для начала XII в. с точки зрения эволюции архитектурной композиции плановое решение этих храмов выглядит не вполне логичным. Более убедительной представляется интерпретация этих двух построек как связующего звена между трехнефными с галереями постройками времени Ярослава Мудрого (церкви Ирины и Георгия, храм на территории митрополичьей усадьбы) и постройками последней четверти XI – первой половины XII в. Сходство между Дмитриевским собором и церковью Спаса на Берестове можно усмотреть и в некоторых других отношениях (близкие общие размеры в плане, мало отличаются параметры плинфы)⁸.

Для обоснования сходства можно указать и предпосылки общен исторического характера. На фоне активной строительной деятельности Святослава и Всеволода Ярославичей странно безынициативной фигурой выглядит их старший брат, преемник Ярослава Мудрого, киевский князь Изяслав, занимавший киевский престол около 20 лет. С его именем прямо не связывается ни одной каменной постройки. Это выглядит не только странным, но и маловероятным.

А между тем именно в княжение Изяслава впервые упоминаются и Дмитриевский и Спасский на Берестове монастыри. Летописец, монах Печерского монастыря, ревниво отметил, что Изяслав «хотя створити вышнии сего монастыря, надеяся богатстве»⁹. Дмитриевский монастырь, для которого Изяслав привел из Печерского монастыря игумена Варлаама, по княжескому замыслу выступал не только в качестве соперника Печерской обители, но и претендовал, судя по всему, на первенствующее положение.

В княжение Изяслава впервые упоминается и Спасский монастырь на Берестове. В церемонии переноса мощей Бориса и Глеба в новый вышгородский храм в 1072 г. участвовал спасский игумен Герман. Конечно, из самого факта существования монастыря прямо не следует наличие в нем каменного собора. Однако такая возможность весьма вероятна и вполне отвечает практике киевского строительства второй половины XI в. Село Берестово после смерти Ярослава Мудрого должно было отойти к Изяславу. По его инициативе основывается монастырь и, вероятно, строится каменный храм. Точно так позднее поступил Всеволод, основавший при своем Красном дворе на Выдубичах монастырь с каменным Михайловским собором и Святослав, основавший Симеоновский монастырь и каменный храм в нем в 70-х гг. XI в. Точно так же совпадает основание и постройка каменного храма Федоровского монастыря в 1129 г. Мстиславом Владимировичем.

Все это делает существование каменных храмов в Дмитриевском и Спасском монастырях уже при Изяславе вполне вероятным. Могущественный преемник Ярослава, основывая «вотчий» Дмитриевский монастырь и вместе с игуменом Германо м монастырь на Берестове, потому, вероятно, удостоился неприязнен-

⁸ Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. С. 17, 22, 23.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Пг., 1923. С. 146.

ной реплики печерского летописца, что украшенные каменными храмами эти монастыри стали реальными соперниками Печерской обители. Строительство в ней каменного Успенского собора в 1073–1077 гг. могло быть ответным мероприятием в этой невыдуманной, а зафиксированной летописью борьбе за первенствующее положение, за авторитет в складывающейся монастырской иерархии Руси.

Кстати, отмеченная близость построек Изяслава к монастырским постройкам времени Ярослава Мудрого (тип трехнефного храма с дифференцированными объемами, как знаком еще не изжитой идеи галерей, кладка со скрытым рядом, близкая системе кладки наружных галерей Софии Киевской), может быть объяснена и тем, что Изяслав пользовался услугами мастеров, работавших еще по заказу его отца — Ярослава. В 70-е гг. эта традиция Ярославова строительства в южно-русском зодчестве окончательно прерывается. Как известно, для возведения Успенского собора Киево-Печерского монастыря была вызвана новая группа мастеров и с этого времени ведет свое начало иная типологическая и стилистическая линия в киевском зодчестве. Это, однако, не означало, что особенности построек Изяслава времени исчезли бесследно, не получив какого-либо отклика в древнерусском зодчестве за пределами Киева.

Во второй половине 60-х гг. полоцко-киевские отношения резко обострились. В 1067 г. князь Всеслав был захвачен Ярославичами и заточен в Киеве. В дальнейшем в ходе конфликта киевлян с Изяславом и его бегства, Всеслав занял Киевский престол и удерживал его в течение семи месяцев. У нас нет оснований считать, что Всеслав рассчитывал навсегда закрепиться в Киеве и последовавший его добровольный уход в Полоцк это подтверждает. Заняв место Изяслава, Всеслав получил возможность распоряжаться княжеским хозяйством. Вполне вероятно, что именно тогда строители, работавшие для Изяслава, были отправлены в Полоцк. Такой поступок был бы вполне в характере полоцкого князя, который, как известно, в 1066 г. совершил нечто подобное, — заняв Новгород, он собрал и отправил в Полоцк богатые трофеи, в том числе колокола Софийского собора. Ситуация в Киеве позволяла Всеславу действовать не менее решительно, особенно учитывая неустойчивость его положения в качестве киевского князя.

Именно этот момент мы считаем наиболее подходящим для появления в Полоцке новой группы мастеров, продолжавших каменное строительство в городе. Почерк этой артели вполне проявился в архитектурно-строительных особенностях церкви Спаса на Берестове и, прежде всего, в системе кладки из плинфы со скрытым рядом без использования камня. Эта особенность строительной техники стала своего рода опознавательным знаком полоцкой архитектурной школы. В Киеве в 70-е гг. каменное строительство велось очень интенсивно, но показательным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что Всеволод и Святослав строят каменные храмы (собор Михаила в Выдубицком монастыре, церковь Бориса и Глеба в Вышгороде), а возвратившийся в Киев Изяслав в те же годы строит в Вышгороде деревянный храм. Не служит ли это указанием на отсутствие в его распоряжении мастеров каменного дела, которые в это время, как мы пытаемся показать, находились в Полоцке?

Программа последующего полоцкого строительства определялась князем при возможном участии епископа. В первую очередь каменные храмы должны

были появиться на княжеском и епископском дворах. На Бельчицах, в загородной княжеской резиденции, строится большой собор, которому исследователи обычно отводят второе место после Софийского собора. Шестистолпный храм с тремя притворами в типологическом и техническом отношении вполне убедительно сближают с церковью Спаса на Берестове и ставят в хронологическом ряду вслед за ней. Таким образом, датировка бельчицкого собора оказывается в прямой зависимости от даты возведения Спасской церкви. Согласившись с этой взаимозависимостью, мы в соответствии с предлагаемой версией полоцкого строительства, полагаем, что бельчицкий собор следует датировать последней третью XI в.

Последние исследования церкви Спаса на Берестове показали, что ее притворы, а возможно и фасады, имели трехлопастное завершение. Композицию храма можно рассматривать как один из первых вариантов постройки башнеобразного типа. В бельчицком соборе, в отличие от киевского храма, подкупольный квадрат сдвинут на одно членение к западу, что делает композицию здания подчеркнуто центрической. Эта особенность плана, обязанная своим происхождением Софийскому собору, служит весомым аргументом в пользу башнеобразности объемно-пространственного решения и бельчицкого собора. Таким образом, формирование архитектурной композиции храма с динамичным завершением можно отнести ко второй половине XI в. и вести ее происхождение не от Спасского собора Евфросиньевского монастыря, а от более ранних, в том числе и полоцких памятников. При датировке церкви Спаса на Берестове временем Изяслава появляется возможность не только более ранним временем датировать Бельчицкий собор, но и объяснить происхождение устойчивой технико-технологической особенности полоцкого зодчества — кладки из плинфы со скрытым рядом.

Итак, если принять предлагаемую версию, то каковы главные следствия датировки церкви Спаса на Берестове 60-ми гг. XI в. для истолкования древнерусской архитектуры? Динамика развития киевского зодчества второй половины XI — начала XII в. получает, как представляется более убедительный характер. Архитектура 60-х гг. XI в. обретает статус связующего звена между зодчеством времени Ярослава Мудрого и последующим строительством 70–80-х гг., а из истории архитектуры начала XII в. выводится памятник, который в нее органически не вписывается. Далее, появляется возможность для более удовлетворительного, чем теперь, объяснения некоторых сторон истории полоцкого зодчества, становления этой архитектурной школы: киевские мастера, продолжившие каменное строительство в Полоцкой земле, принесли кладку с утопленным рядом, ставшую опознавательным знаком полоцкого зодчества домонгольского времени. Вероятно, благодаря тем же зодчим задолго до возведения собора Евфросиньева монастыря в полоцком зодчестве утвердился тип храма (или появились его предпосылки) с динамичными формами завершения. В целом история возникновения и развития башнеобразного типа храма с учетом датировки Спасского храма 60-ми гг. XI в. обретает существенно иной вид.

Впервые опубликовано: Археологія. 1995. № 2. С. 140–143.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В XI–XII вв.

Древнерусское каменное строительство первой половины XI в. сыграло определяющую роль для формирования художественной традиции и выработки своеобразной архитектурной стилистики местных школ в XII в.

Вслед за столицей, к каменному строительству в XI в. приобщаются Чернигов, Новгород, Полоцк и Переяславль. Однако лишь в Киеве, где во второй половине XI в. сложилась устойчивая строительная организация, возведение каменных зданий ведется с последовательностью, которая позволяет проследить направление архитектурного развития. Всплеск каменного строительства в Переяславле приходится на конец XI в. и связан с деятельностью новой артели мастеров, приехавших из Византии. Возобновление строительства в Чернигове (конец XI или начало XII в.) также связано с работой новой группы византийских зодчих. Киевская традиция лежит в основе зодчества Новгорода и Полоцка начала XII в.

Преобладающее положение среди заказчиков во второй половине XI – начале XII вв. занимали князья, особенно много строившие в Киеве. Княжеский заказ определял развитие зодчества, его магистральную линию. Духовенство строило меньше, но здания, связанные с заказом митрополита Ефрема, игуменов Феодосия и Стефана отличает яркое своеобразие, подчас уникальность. Причину этого можно видеть в социальном статусе заказчика и его культурном кругозоре.

Постройки Киева второй половины XI – начала XII в. обнаруживают непосредственную преемственность с архитектурой времени Ярослава Мудрого. Особую роль для сложения киевской архитектурной школы сыграл Софийский собор.

Формирование переяславской архитектурной школы начинается с возведения собора Михаила Архангела — главного храма города. Важными композиционными чертами обязаны Михайловскому храму последующие переяславские храмы — церкви Спаса (?) и Андрея, храм на Советской улице. Городской собор не мог быть образцом для подражания во всей полноте своих архитектурных особенностей, но обращение зодчих к отдельным сторонам его объемно-пространственной композиции проявляется вполне отчетливо. Существенные черты архитектурной школы, определяющие ее единство, восходят к первому каменному храму города.

Если в Киеве и Переяславле во второй половине XI – начале XII в. каменное строительство не знало больших перерывов, то иную картину представляет зодчество Новгорода, Полоцка и Чернигова, где после возведения в первой

половине — середине XI в. городских соборов строительство возобновляется лишь в конце XI — начале XII в. Показательно, что новгородские храмы начала XII в. (церковь Благовещения на Городище, Никольский и Георгиевский соборы) обнаруживают не только прямую зависимость от южнорусской традиции, но и непосредственную ориентацию на первую каменную постройку города — Софийский собор.

В Чернигове в конце XI или начале XII в. начинает работать артель византийских мастеров с очень своеобразным творческим почерком. Заказчик ориентирует строителей больше на киевские постройки второй половины XI в. Влияние Спасского собора сказывается на архитектуре нового этапа не так определено.

В середине XI в. был построен Софийский собор в Полоцке, близкий по плану, объемной композиции, структуре внутреннего пространства и стилистике одноименным храмам Киева и Новгорода. К особенностям полоцкого собора следует отнести строгую симметрию плана, дополнительный неф перед алтарем, сдвиг подкупольного квадрата на одно членение к западу.

Сложение полоцкой архитектурной школы многим обязано Софийскому храму. Так, одна из первых построек XII в. — большой собор Бельчицкого монастыря, — в плане обнаруживает принципиальную близость центральной части Софии Полоцкой. Сходными чертами обладает храм в Детинце. Возможно, что и башнеобразность полоцких церквей XII в. восходит к особенностям венчающих частей главного храма города.

Первые каменные постройки крупнейших древнерусских городов (за исключением Переяславля) возведены под прямым воздействием Киевской архитектуры. В свою очередь, они активно влияют на формирование местных архитектурных школ, создают своего рода художественный импульс, во многом определяющий цельность основных древнерусских школ зодчества в XII в.

Впервые опубликовано: Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII веках». Чернигов, 1988. С. 42–44.

К ИСТОРИИ МАЛЫХ ФОРМ В ДОМОНГОЛЬСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ

Применительно к древнерусской каменной архитектуре термин «голбец» употребляется сравнительно редко. Первые упоминания о «голбце» относятся к XVI в.

Житие Евфросиньи Полоцкой, дошедшее в списках XVI в., сообщает о «голбце» полоцкого Софийского собора, в котором жила будущая основательница Спасо-Преображенского монастыря. К первой половине XVI в. относятся упоминания новгородским летописцем о «голбцах» Никольского собора и Пятницкой церкви. О смысле этого термина писали И. И. Срезневский, В. И. Даль, А. Поппэ. В наше время его истолкованием занималась С. И. Сивак. Термин допускает многообразные конкретизации, но применительно к церковному зданию «голбец» — это выгородка, замкнутое помещение, чаще всего в подцерковной части здания, в подклете. В. И. Даль отмечает существование верхних и нижних «голбцев».

«Голбец» не имел строго фиксированного положения в храме. Он мог размещаться в дьяконнике, в притворах («в крылех»), вероятно, на хорах. Его функция также не может быть определена однозначно. Помещение «голбца» могло использоваться как хранилище церковной утвари, иногда как тайник. В домонгольское время «голбцом» могли называть небольшую келью, предназначенную для молитвенных бдений подвижника.

Так «голбец» Евфросиньи Полоцкой, подвизавшейся в начале своего духовного пути в Софийском соборе, вероятнее всего находился на хорах, в замкнутых восточных помещениях. Примером таких камер-тайников служат сохранившиеся помещения в восточных частях хор новгородского Софийского собора. Возможно, по аналогии с «софийскими голбцами» были устроены подобные им индивидуальные кельи-молельни на хорах Спасского собора Евфросиньева монастыря.

Иное назначение имел Никольский «голбец» в одноименном новгородском храме. Как показали археологические исследования, «голбец» размещался в дьяконнике, его устройство относится к домонгольскому времени. Во время ремонтных работ, надо полагать XII в., восточная часть дьяконника была отгорожена каменной поперечной стеной, и образовавшееся помещение с пониженным полом использовалось как ризница.

Впервые опубликовано: «Музей і развіццэ гістарычнага краязнаўства». Матэрыялы РНПК, прысвеч. 70-годдзю Гродзенскага дзярж. гіст.-археал. музея. Гродна, 1990. С. 96–97.